

АЗБУКА ШАМАНА

КНИГА ВТОРАЯ

Работы художественных мастерских Севфака. МЕСС Леонид Абрамович 9 августа 1907 (Одесса) — 1993 (Зеленогорск Ленинградской области) Скульптор. Преподавал в Институте народов Севера при ЦИК СССР в Ленинграде (1928–1931), Институте пролетарского изобразительного искусства (1931–1932), Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой (1949–1955). Руководил экспериментальной скульптурной мастерской в Институте народов Севера (1934–1941).

«Народы, населяющие советский Север, на протяжении трехсот с лишним лет являлись объектом колонизаторской деятельности сначала «Царства Московского», а затем «Российской Империи». Для колонизаторов, стоявших по своему культурному уровню немногим выше туземцев, мирное «сожительство» с населением было более выгодным, чем простое истребление последнего. Московское государство... оказалось заинтересованным в самом существовании туземцев – поставщиков чрезвычайно ценной тогда пушны. Жестокое к «немирным», оно проявляло известные заботы о «ясачных людях», не вмешиваясь в сложившиеся веками обычаи и проявляя известную религиозную терпимость. Это было время относительного благополучия туземцев.

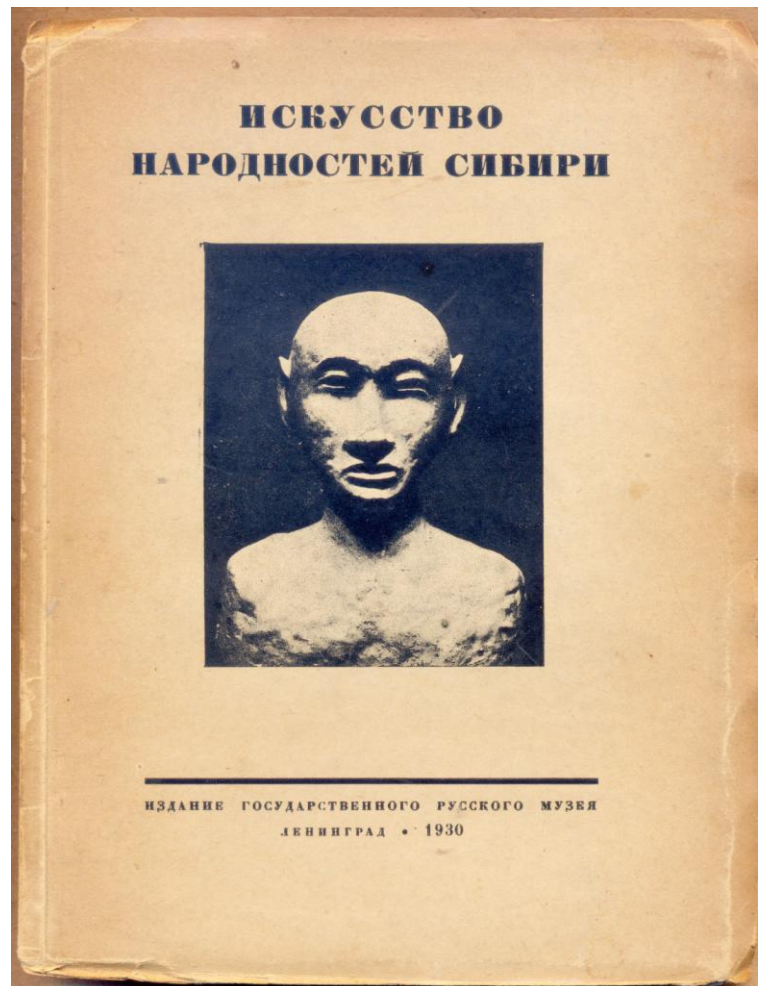
Начавший развиваться в XVIII веке в России капитализм должен был натолкнуться и на грандиозные естественные богатства Севера. Выгоды от разработки естественных богатств неизмеримо превышали выгоды от сбора ясака правительством и дограблявая туземцев купцами. Начинается развитие горной промышленности...

Туземцы больше не интересуют правительство – у них отбираются земли, и они предоставляются в ведение спаивающих их торговцев и невежественных миссионеров. Последствием этого явились голод, нищета, болезни и, как следствие, катастрофическое уменьшение народонаселения.

«Ученые», не умеющие видеть связи между явлениями, придумывали всяческие теории о «вырождении инородцев». Были и иные, культурные и честные люди... С.А.Бутурлин в 1907 году указывает, что «если бродячие инородцы действительно вымирают, то причины этого очевидны, временны и устранимы: они столкнулись с цивилизацией... исключительно в форме спирта, сифилиса торгового обмана».

В рамках прежде существовавшего порядка вырождение инородцев являлось хотя и печальным, но исторически неизбежным процессом. Только Октябрьская революция, раскрепостившая народы бывшей «Российской империи», прекратила эксплуатацию северных народностей и дала им возможность развиваться наравне с другими трудящимися нашего Союза. Годы гражданской войны и интервенции отодвинули дело советизации Севера на сравнительно долгий срок.

Сергей Александрович Бутурлин, 1872-1938 (от болезни) — русский орнитолог, охотовед, путешественники, автор работ по систематике птиц России и охотничьему хозяйству.

В 1924 году при Президиуме ВЦИК учреждается «Комитет содействия малым народностям Севера». В 26 году при институте Востока создают «Севфак» — для изучения и обучения народов Сибири. Принимали в него не только неграмотных, но и почти не знающих русский язык. Нужно было готовить местных врачей, учителей, администрацию, молодежь ехала со всей охотой, в институте обучалась 41 народность. Занимались с ними талантливые педагоги, энтузиасты, самоотверженные люди, часто известные.

Как положено в советской школе, преподавали и рисование. Юноши и девушки 18-25 лет старательно срисовывали натюрморты, но иногда и сами рисовали что-то. Однажды им предложили: а вы нарисуйте что хотите, из своей жизни, природы, семьи. Они нарисовали. Всем так понравилось, что в Русском музее устроили выставку. Там и скульптуры были, портреты. Потом издали книжку, на полном серьезе.

Талеева, Клавдия. Самоедка.

Карандаш.

Как чудесно и таинственно показаны олени в густом лесу!
Вступительную статью — о роли примитивного искусства в обновлении отживающей «Ренессансной модели» — написал Николай Пунин. Звучит траурный марш: три раза сажали, третий раз после войны, и уже не выпустили...

Большую этнографическую статью о народах («народностях») Сибири, о языковых группах, традиционном образе жизни, занятиях, верованиях, их прикладном искусстве написал Евгений Робертович Шнейдер, сын сибирского немца, — советский учёный тунгусо-маньчжуровед, этнограф и лингвист, первый исследователь удэгейского языка (3 июля 1897 — 8 января 1938)
Чем-то родине не угодил...

Он происходил из образованной семьи, учился в Томском университете, участвовал в научных экспедициях. «Туземное население Сибири, на основе лингвистических признаков, делится на пять основных групп: тунгусо-маньчжурская, турецкая (*тюркская*), монгольская, угро-самоедская и палеоазиатская (*сейчас многие названия изменились*). Ставя себе задачей дать сжатую характеристику туземного изобразительного искусства и той среды, в которой оно выросло, мы сознательно опускаем целый ряд явлений, к сожалению...

Трынкин, Трофим. Тунгус.

Карандаш.

СТРАСТОТЕРПЦЫ СИБИРСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Чтобы выбраться наконец из 20 года 20 века, отряхнуть его прах с наших ног, помянем лишний раз Колчака. Он не получил помощи от Антанты, потому что хотел ВСЕГО: Из территории Российской империи не желал поступиться ни квадратным метром, ни речушкой, ни горушкой, ни Финляндией, ни Лапландией. Насчет полуСахалина и Приморья даже не спрашивайте. Ну и сиди, сказали ему. Ну и сижу, сказал он.

А если бы огляделся бы (остановился, оглянулся), посмотрел из-за Урала на заезженную, истоптанную, вырубленную, истощенную страну рабов, страну господ — а у него тут Алтай, у него Байкал — махнул бы рукой и объявил Сибирскую республику общим свободным домом людей любого рода-племени, состояния, образования и любого прошлого... отныне и навеки!

Наверняка такие декларации делались разными казачьими бандами, но не было в них чего-то главного... смысла? Общей идеи?

Ладно, нету чудес, и мечтать о них нечего. Но мечтали. Один за 200 лет до Колчака - Первый губернатор Сибирской губернии Матвей Петрович Гагарин. Официально — с 1711 года.

Первый глава Сибирской губернии Матвей Гагарин был первым в истории России губернатором, приговорённым к смертной казни за казнокрадство.

Про него знают теперь все, кто читал «Тобол» (я не читала). Занятный персонаж вырисовывается. Вот, скажем, Меншиков, ближайший, вернейший соратник и грандиозный коррупционер. Мы к нему относимся с легким восхищением и юмором — как же, «Алексахка», обаятельный пройдоха, созидатель Новой России. Ну воровал, но как было не воровать...

Что обаятельный — нам внушил Алексей Толстой. Умел писать, яркая книга получилась. Знаю людей, которые дочитывали и начинали сначала. Гагарину не повезло. Про него вообще знали, кажется, только историки: соблазн был в самом преступлении - в котором его даже и не обвиняли, казнили за другое. Память стерли, ни одного портрета не сохранилось. В отличие от Меншикова, был Гагарин древнего рода, от Рюрика, а главное, семья не выродилась, не разложилась. Были в ней деятельные решительные люди. С 1693 года Матвей Петрович воевода в Нерчинске. Брат его Иван — в Якутске.

А Нерчинск, между прочим, ключ к Китаю. Там только что заключили мирный договор с Китаем, впервые обозначили границу — в 1689 году. Не столько с Китаем, сколько с маньчжурами-завоевателями, которые еще не закончили завоевание, но уже объявили новую династию.

Династия Цин правила страной с 1644 по 1912 год.

Последняя династия Китая делила Сибирь с первой и последней империей России. Та и другая пали в течение одного десятилетия. Занятно, да?

Жадная Москва подозрительно смотрела на воевод Гагариных. Торговля с Китаем велась казёнными караванами, товары могли перевозить только те, кто попал в штат каравана. Попастъ было заманчиво, прибыль от китайских вещичек в России, а в Китае от сибирских мехов была по меньшей мере десятикратная. Государство сдирало в свою пользу немалый процент; ну как тут не самому не пожить? Купцы в благодарностях не скупилась. Подчиненные строчили доносы. В 1700 году началось дело о каких-то комиссионных, о каких-то китайских драгоценных камнях...

Гагарина отзывали, сыск «о недоборе ясака» продолжается, а Петр поручает Гагарину строить каналы и шлюзы в Вышнем Волочке и еще где-то между Волгой и Невой (это где же?), и он с другим братом, Василием, построил 24 шлюза.

Интересно, как Петр определял, может человек строить шлюзы или нет? По походке? Или кто больше выпьет?

Царь за успех назначил подследственного князя «начальным человеком» по делам Сибири и заодно комендантом Москвы — укреплять Кремль и Китай-город на случай нападения шведов (1707). *Какой же кадровый голод у нас был!*

Но шведов мы тут как раз победили, не помню где в этот раз, и тот же Гагарин занялся пленными шведами. Многие пожелали вступить в русскую военную службу. Он это устраивал, присматривая параллельно за печатанием гравюр для книг.

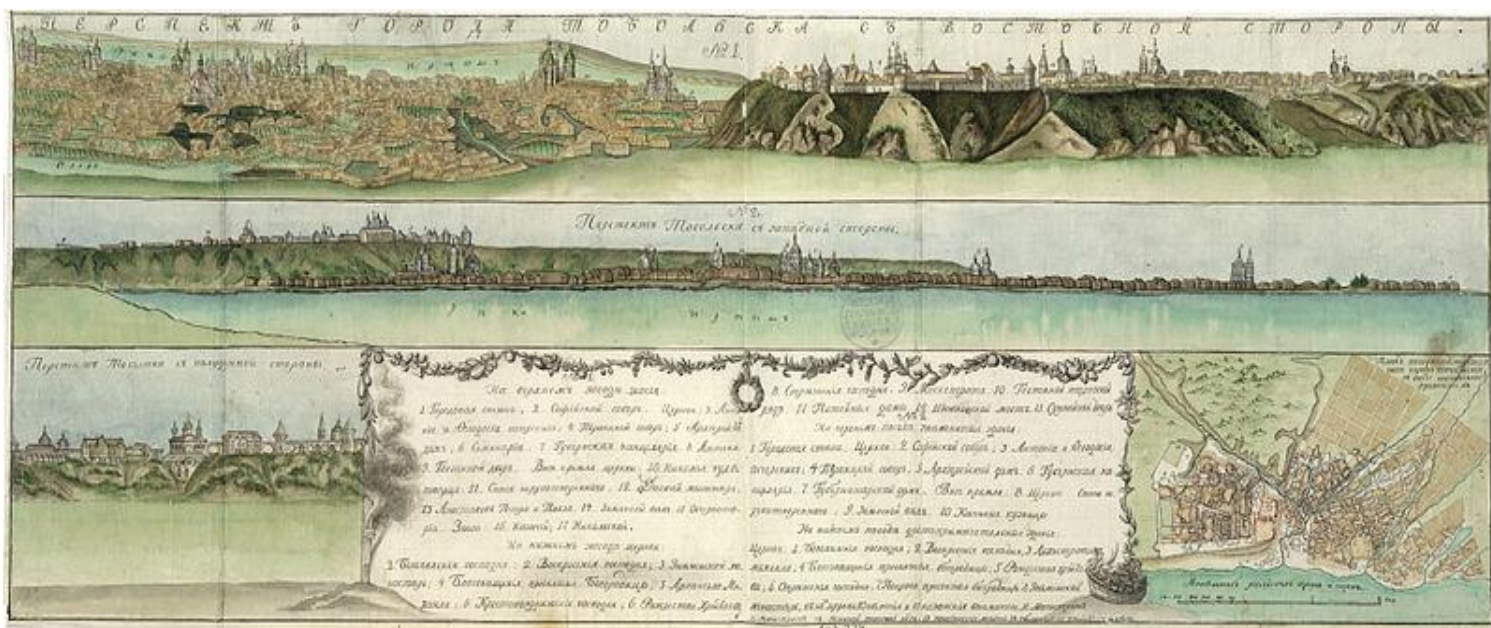
Это у нас 1708 — 1709.

Укрепляя Кремль, наш герой из тех же стройматериалов построил себе домик на Тверской. Строил итальянский мастер Фонтана, получился четырехэтажный дворец в венецианском стиле. Простой народ говорил, что дом внутри весь позолочен и утыкан драгоценными камнями, и самый простой обед был из 50 блюд, каждое на отдельной золотой тарелке.

Во дворце поселился и первый российский японец — Дэмбэй.

В Петербурге у него тоже был домик.

Ну и наконец отпустили князя в Сибирь! Губернатором, в 1711 году. В 1712 он построил каменный кремль в Тобольске.

И города строил, и гравюры печатал... как говорили классики, «это время нуждалось в титанах и породило титанов...» универсалов, мастеров на все руки.

Московия не так чтобы Европа, но тоже старая, давно разграбленная, истощенная, люди в ней крепостные, издерганные, князья себя в челобитных пишут «холопами»... Где развернуться?

Сибирь... все большое, огромное... горы, реки, небо... проблемы, труды, задачи...

Губернатор в России — царь, а в Сибири — император! Не десятки, сотни народов у него в подчинении. Он и казенные средства распределяет, он и ясак собирает с бесчисленных народов, а кто знает, сколько в этих народах охотников за пушниной? Но все они хотят водки, табака, еще и хлеб есть научились, и все из рук Матвея Петровича. Москве знать не надо, что почем. В Сибири еще и золото добывают! С «бугробщиков», промывальщиков, мзда следует.

Есть еще и скифское золото, «древнее золото ярко блестит»... При Гагарине начали копать курганы по Тоболу, Иртышу, Енисею. И что найдут, велено сдавать казну. В декабре 1716 года Гагарин послал царю 96 крупных золотых изделий и 20 мелких золотых вещей (22 кг). К Рождеству подарочек. А Петр смотрит и думает: «Это сколько ж он себе оставил?!» Знал, знал, «что наместники воруют», но рассуждал здраво: пусть украдет побольше, а я потом у него все отниму.

Но самое, конечно, лакомое — торговля с Китаем. С каждого, кто хотел идти с караваном в Джунгарию, Среднюю Азию и Китай, брали официально крупную мзду, а еще сколько совесть позволит. Своих людей в караван включали бесплатно, а в списки не вносили. А оттуда фарфор, шелк, тончайшие изделия из нефрита, яшмы, драгоценного дерева — мода в Европе на все китайское, а свой фарфор еще только пробуют делать. Алхимики на него переключились: дороже золота. А тут прямо в заводской упаковке, сотнями.

Щедрый князь осыпал дарами Меншикова и других доверенных людей Петра, царицу Екатерину озолотил, завалил драгоценными камнями. А Петр как будто и не знал! Просто — не хотел знать до времени. Терпел, пока не шепнули, что князь-де не на прихоти копит — хочет он образовать в Сибири собственное царство. Для того из пленных шведов сформировал целый военный полк. Среди них были и военспецы, могли оружие готовить, пушки лить. Рекрутов обучать... Шведы, они же учителя наши. Пусть теперь якутов учат. Юкагиров. И своих казаков — эти-то прирожденные бунтари...

По должности, по своему положению Гагарин должен был иметь дело с соседними китайцами, казахами и джунгарами. А вот не сговаривался ли он с их предводителями? Не спросить ли нам предводителей?

Одну минутку. Не отклонились ли мы от главной темы — от шаманов? Интересно, кто читал «Тобол» - не обращался ли отрицательный персонаж к шаманам, чтобы узнать свою судьбу? Или может хворь какую вылечить, или про недруга разведать?

Если нет, мы сами придумаем. Эпизод, как в «Князе Серебряном», у Вяземского с мельником: «Говори, что видишь? - Вижу пилы и колеса, а между ними кровь и жилы человеческие...»

Джунгаров тогда называли ойратами, казахов киргизами или кайсаками, а китайцы были маньчжуры. То, что между них происходило — модное кино, его снимают. Реконструкторы развлекаются, наверно игры есть...

Послушаем, что они говорят:

«Уже неделю шла страшная битва в Джунгарских воротах при урочище Сойкынсай между казахским ополчением и регулярным китайским войском. Как волки, резались люди, и кровавые цветы взошли в межгорье. С трудом уже лезли китайские солдаты через горы трупов, но равнодушный полководец с застывшим лицом, как обычно, все слал и слал их вперед не считая. Синей безликой массой выходили они из-за его спины, доходили до казахских батыров и валились подкошенные, как скудная зимняя трава».

И все же на восьмой день к месту битвы в зеленом шелковом паланкине, несомом сорока рабами-кули, прибыл сам великий богдыхан Канси (*первый император династии Цин*). — Как идет битва? — спросил он у полководца, хоть хорошо знал от своих многочисленных шпионов положение дел.

И полководец, похожий лицом на старую женщину — без усов и бороды, склонился до земли.
— Битва проходит под знаком собаки, великий богдыхан!..
Это означало: сражение проходит с переменным успехом, как у схватившихся собак...

Глаза высокого богдыхана были равнодушны, как и полководца. — Битва проходит под знаком воды. Сколько ни рассекай ее мечом, волны все равно смыкаются... С тиграми воюют головой, а не руками... — слова шелестели, как перья опахала. — Тигр перед тобой... Где ты видишь по соседству другого тигра?

Глаза полководца забегали по кисточкам паланкина.

— Он сейчас за спиной у тебя, этот тигр... Дикие ойроты тревожат середину мира, где стоит наш трон. Древняя стена для них не помеха. Почему бы не выпустить их через эти ворота на другого тигра? Брось ойротскому тигру кусок чужого мяса, а сам приди, когда оба будут истерзаны и крови у них хватит только, чтобы доползти и лизнуть нашу руку!..

— На помощь одному тигру может прибежать другой, побольше...

Богдыхан посмотрел через головы сражающихся куда-то далеко на запад:

— Да, я помню о *Луссии (России)* Но пока она прибежит, этот степной тигр превратится в вола. А у вола большая шкура. Можно и поступиться частью ее для опоздавшего!..

— Повинуюсь, мой государь! — сказал полководец и дал знак к отступлению.

На следующий день многочисленное посольство с дарами было отправлено к ойротским контайчи...

Этот и следующие эпизоды заимствованы из книги Ильяса Есенберлина «Кочевники». Часть вторая, «Отчаяние». Собственно о том, как с отчаяния казахи обратились к России, просили о помощи, напросились в подданство. В общем, это красочный приключенческий роман старой школы, в нем проходит история Казахстана с середины XV века, с момента образования, до середины XIX. В середине XIX века, в Оренбурге, нас и нашел дальний родственник.

Нашел-то он нас в Москве, он тоже москвич — а там у губернатора Перовского служили его пращур Карл Иванович Герн и наш прапрадед, Адольф Иванович. Вот встретимся, обменяемся сведениями. (Это уже третья книга, «Хан Кене»).

«...Тауке-хан первый понял все коварство маньчжуро-китайской политики и осознал все преимущества сближения казахов с Россией, где в это время ... проявлялся гений Петра Великого. В 1715 году в месяце *кузтоксан*, то есть в конце лета, большое посольство хана Тауке прибывает в Уфу. От имени русского царя уфимский наместник шлет ответное мирное послание...

И когда *Азь(мудрый)-Тауке-хан* ушел из жизни, сменивший его дядя Каип немедленно дал ответ на письмо уфимского наместника, а вскоре направил послов к сибирскому губернатору князю Гагарину в Тобольск. Во главе посольства находились наиболее уважаемые люди — Екеш-улы-бий и Бури-улы Байдаулет-аксакал, а в письме «белому царю» говорилось: «Мы всей душой желаем быть с вами в вечной дружбе и согласии, а для совместных действий против джунгарского контайчи можем выделить немедленно отряд в двадцать или тридцать тысяч всадников...»

Честно признаюсь — рекламирую. Трилогия тоже честно написана на казахском. Переводчик Морис Симашко. Лицо известное. Предисловие к английскому изданию 1998 года («The Nomads») написал президент Нурсултан Назарбаев. В 2012 г. «Кочевники» были изданы на японском языке. (Текст чуть-чуть поджимаю).

Послы Каип-хана заверили губернатора, что те казахские родовые вожди и отдельные батыры, которые станут нападать на русские городки и караваны, будут караться смертью или передаваться для суда в Тобольск. На пограничной линии должен был воцариться длительный и прочный мир.

Такие же письма были посланы в Казань и Уфу.

Гагарин немедленно отправил послание в Петербург. Сенат благосклонно отнесся к нему, одобрил его и лично царь Петр. Но, понимая, кто подталкивает джунгарских контайчи к столкновению с казахскими, он призвал казахского хана к осторожности.

«Киргиз-кайсацкая орда должна жить в дружбе не только с нами, но и избегать военных столкновений с дружественными или подчиненными нам державами», — таково было указание царя Петра... Но в том, что рано или поздно следует ждать неминуемого нападения из Джунгарии, никто не сомневался.

Князь Гагарин направил к Каип-хану в Туркестан посольство во главе с Никитой Белоусовым - ознакомиться со страной казахов, их хозяйством, и потребностями (на случай войны). И свое личное послание доверил. Год пробыл Белоусов при ханской ставке и в казахских кочевьях, и в письмах настойчиво предлагал всячески поддерживать казахского хана в его противодействии джунгарскому контайчи. Неотвратимое сближение с Россией вплоть до принятия российского подданства стало политикой Каип-хана и хана Абулхаира.

Следующее посольство отправилось в 1717 году, во главе с Борисом Брянцевым. Посольство рассказывало о неограниченных возможностях торговли... Здесь проходили пути в сказочные страны Азии, и прежде всего в Индию, которая манила впечатлительную душу Петра Великого... Российская империя сразу становилась великой европейской державой! Так или иначе, но казахскому народу и народам Средней Азии приход России — при всех ужасах и несправедливостях колониальной экспансии — помог выжить и остаться в истории (*можно и согласиться, пожалуй... отчасти. Хотя Запад то и дело вмешивался в наши исконные интересы в Индии, в других сказочных странах — что делать, Большая игра!*)

Вскоре после отбытия посольства неизвестная рука устранила Каип-хана, а в Джунгарских воротах уже стояла готовая к бою семидесятитысячная боевая конница Сыбан Раптана с несколькими пушками (у него свой швед был, по артиллерийской части), а за спиной ее вырисовывались очертания китайского императорского дракона... А царское правительство одновременно с посольствами в Казахскую степь направляло посольства и в Джунгарию. Оно заняло выжидательную позицию, надеясь извлечь как можно больше выгод из создавшегося положения.

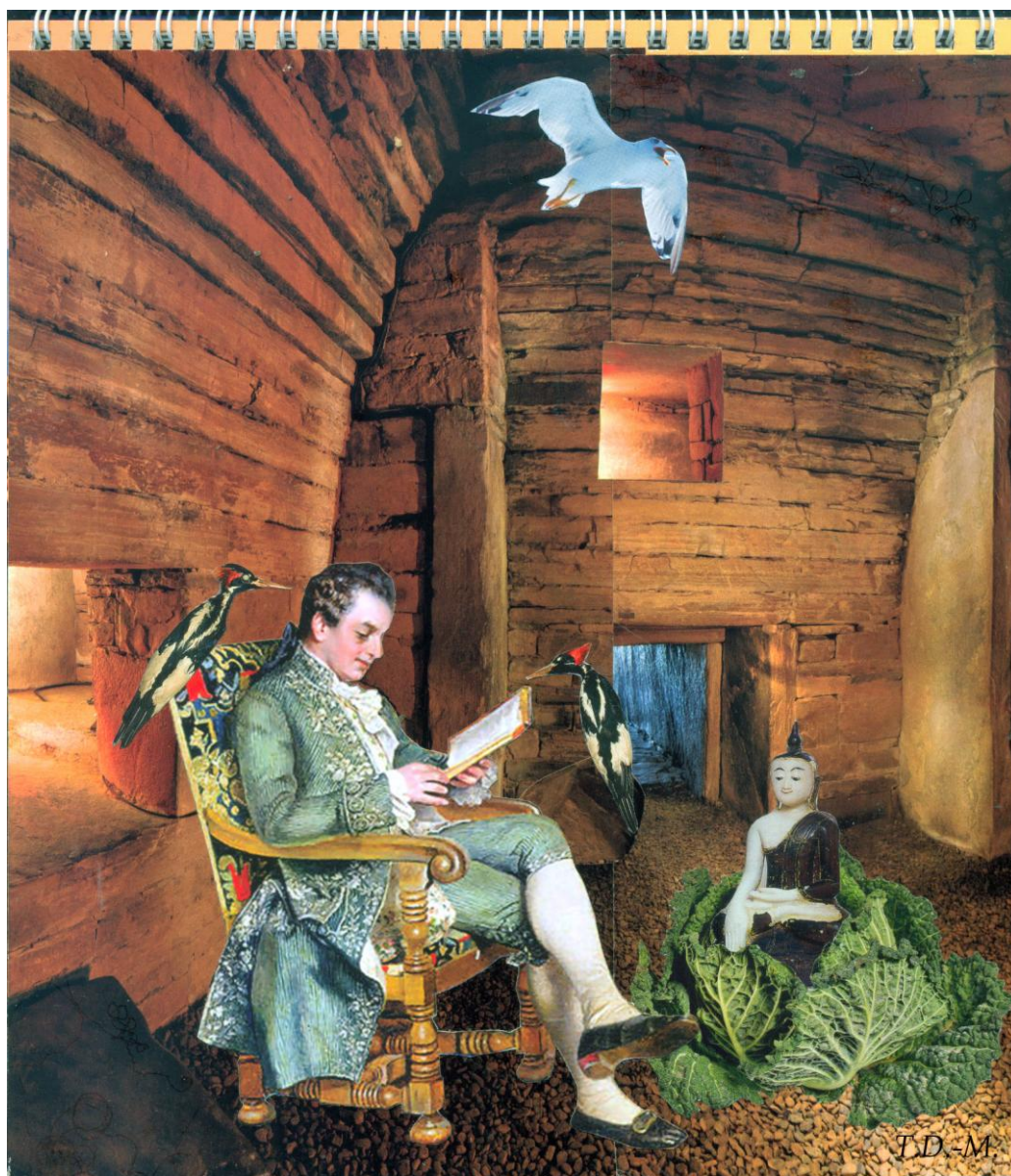
Вскоре и Гагарина вывезли в Россию и казнили.
*Еще одна параллель между империей Цин и Россией. Случайная:
Император Канси, годы жизни 1654 — 1722
Матвей Гагарин 1659 — 1721.*

Участь Казахстана в последующие годы Есенберлин сравнивает с ободранной бараньей тушей на кок-паре. Участь Гагарина... обвиняли его и в подкупе близких к царю людей. Жену Петра Екатерину он щедро ублажал алмазами, рубинами и прочими драгоценностями. Она и пыталась его спасти: когда в Сибирь отправили для расследования князя Волконского, Екатерина убедила его глубоко не копать (он мол не посягнет...). Но было поздно: арестовали и самого Волконского, он настучал на царицу, но от казни его это не спасло...

Что же, Матвей Петрович? А если бы вправду стать Царем Сибирским? Неужели не мечталось? Еще бы крепость построить, собрать свою армию из вольных казахских и ойратских батыров, своих казаков и русских подневольных солдат — пообещать им вольные земли в Сибири, якутов призвать на помощь, отличные конники, не хуже казахов. И непобедимые чукчи, разумеется — их пока не трогали, боялись. Шведы бы обучали. Очень интересный это был элемент — шведы: куда ни помотришь — у ойратов — швед, у китайцев тоже, а у него то ли компания, то ли рота, то ли батальон... Вот в Тобольске пленный лейтенант устроил кукольный театр. Везде они, как дома! Там же открыли школа для шведских и немецких детей, и дети городских чиновников, купцов обучались. Преподавали в школе пленные офицеры. Арифметику. А в Охотске они построили морские суда, ходили из Охотска в Камчатку.

Положил бы им жалование в юанях, основал новое Сибирское дворянство...

Не знаю, был ли Гагарин интеллектуалом? Была ли в его роскошном доме на Тверской библиотека? Уж если была, то самая роскошная в стране. Часть наверно в Сибирь вывез, ночи, зимы там долгие. Может китайские книги собирал?

В художественной литературе Матвей Петрович Гагарин, как правило, изображается отрицательным персонажем. См. роман Данилевского «На Индию при Петре I» (1880). *Интересно, про что там? Как мы завоевали бы Индию, да вот коррумпированный губернатор помешал, подкупленный потомками Бабура? Или решил сначала отложиться от России, а там уже завоевать Индию самостоятельно?* В редких случаях Гагарин изображается сложным, противоречивым и даровитым персонажем. Например, в романе «Азь, грешный» А. М. Родионова (Барнаул, 1999).

Самое время пересмотреть историю, а потом создать альтернативную. Ну что, якак не полностью высылал? Или собирал небрежно – может и так? Щадил ненцев и нанайцев? Петру-то каждый лисий хвост нужен был, чтобы и дальше гробить русских солдат в Мазурских болотах, навязывать полякам в короли мерзавца Августа.

В 1716 году Гагарин занялся проектированием канала между реками Тобол и Иртыш. Новый канал, построенный по приказу Гагарина, соединил реки в трёх верстах выше старого устья. Тем временем пишет Каипу, обещает покровительство казахам, живущим в сибирских городах, гарантирует безопасность 50 человек, занимающихся торговлей в пограничном укреплении на берегу реки Есиль. Кроме того, Каип-хан и князь Гагарин через посольство обменивались письмами.

Возможно, Пётр по размышлении зрелом решил поддержать несравненно более интересный и сильный Китай. В Китай Гагарин тоже писал — не только переправлял царские письма.

У Китая с казахами ведь что вышло? Маньчжуры, кочевой народ, в свою очередь, вслед за гуннами и монголами захватили Китай. Новые властители быстро научились сладко есть и мягко спать, приближать к себе льстецов вместо батыров (а там и стихи писать) — и тут же столкнулись с необходимостью отбиваться от голодных степных волков. Ближайшие были ойроты, джунгары. Коварный Канси убеждает ойротов не бросаться грудью на Великую Стену, а обратить внимание на бескрайние степи, где редко встретишь отдельный аул с полдюжиной плохо вооруженных мужчин, враждующих со всеми другими аулами. Джунгары позволили себя убедить, и началась «большая резня».

Через силу, нехотя, с муками, но казахи вынуждены были объединиться. Податься им было некуда: на западе, между Жайком и Волгой, грудью встали калмыки и казаки. Джунгары торжествовали. Тут империя Цин решила, что с казахами покончено, и выпустила за Великую Стену большую регулярную армию... мало что осталась от джунгар. Некоторые бросились искать защиты у казахов... *Но это совсем другая история.*

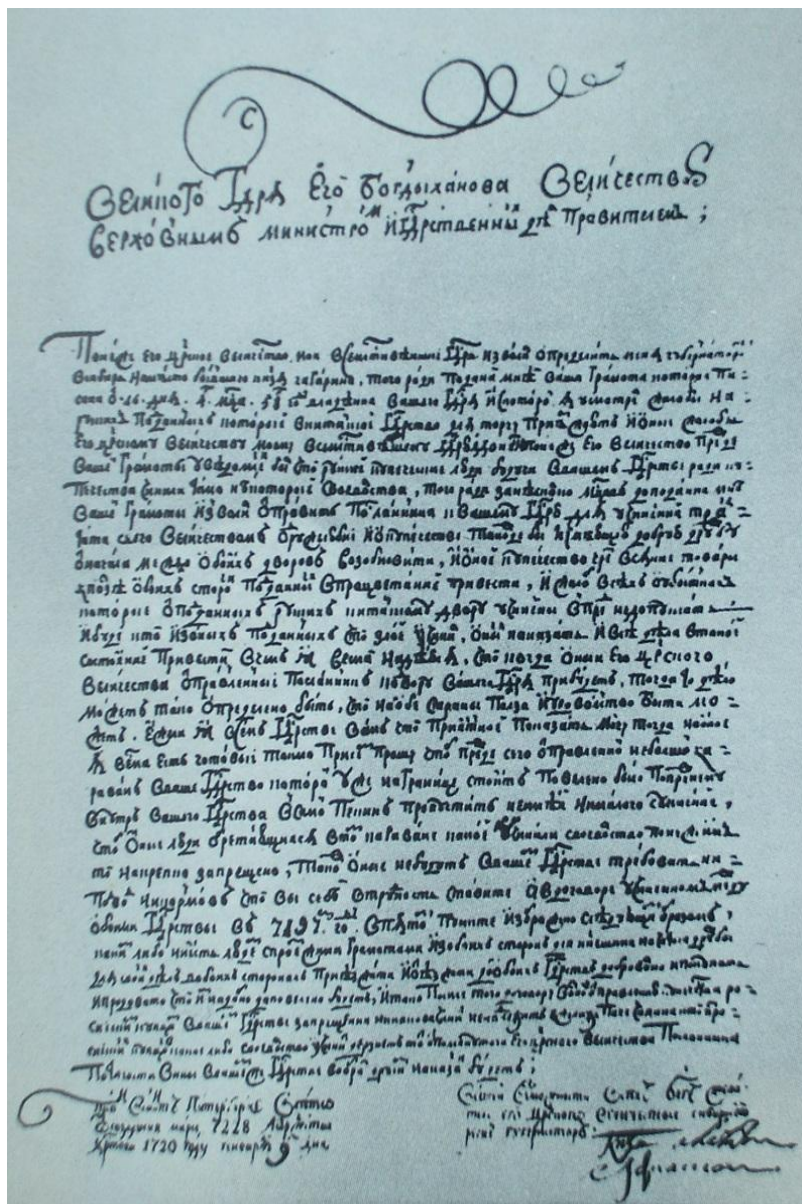

Реконструкция. Имели в виду ойратов, кажется.

А пока, в 1718 году Гагарина вызвали в Санкт-Петербург, участвовать в Верховном суде. Судили царевича Алексея Петровича. Заодно требовали недоимок 215 тысяч рублей, а за Сибирской губернией числилась нехватка ещё более 300 тысяч рублей. Все крупнейшие люди Российской империи в этом деле отметились...

Тут бы испугаться Гагарину. Вернуться в Сибирь и объявить открыто: Я не ваш, я ушел!

По свидетельству бывшего шведского пленника Филиппа-Иоганна Страленберга, автора записок о России и Татарии, а также карты этих стран, «губернатор собирался образовать в Сибири самостоятельное королевство». Эта легенда, возможно, отражала «отголоски разговоров, которые вели князь М. П. Гагарин и верхи сибирской администрации». А императору Канси тоже сам писал, не только царские письма переправлял:

«Великого Царя Его Богдыханова Величества
верховным министром и царственным правителем...»

наверно, кто-нб давно прочитал и опубликовал, но вряд ли там какая конституция...

А есть еще японец Дэмбей, Петр сам его навязал Гагарину, благо у него жилплощадь на Тверской была. У Петра большие были планы насчет Японии. Дэмбей был достаточно образован, чтобы рассказать и про географию, и про историю; Петр велел ему обучать специально выделенных учеников японскому языку...

Итак, над Гагариным сгустились тучи. За ним выслали воинскую команду. Из всех возможных дорог — верхом и низом, лесом и степью, водой и сушей, верхом и в карете, осталась только одна — на дыбу. Но он этого не понимал...

«Причина бездействия царя по отношению к Гагарину кроется в том, что Матвей Петрович принадлежал к так называемой «своей компании» царя. Это было своего рода братство близких сподвижников Петра I, где к царю обращались без подобострастия и церемоний, без «зельных чинов» и высокопарного «величества» — вместе гуляли, пили, казнили, делились между собой предметами любви и при этом решали важнейшие государственные дела»...

Ну что, пошумит, слупит еще сотни три тысяч, отпустит обратно, мост через Лену строить — кто же без меня?

Гагарин стал жертвой усердия обер-фискала Алексея Нестерова, выходца из крестьян, ненавидевшего родовую знать. После непосредственного обращения Нестерова к царю в 1717 году была назначена следственная комиссия из гвардейских офицеров.

(Забегая вперед, скажем, что в 1724 году этот адепт справедливости сам будет казнён за растрату 300 тысяч рублей казённых денег). Вот он, глубинный-то народ.

А через год, в 1725, Петр умрет, и страна достанется кучке развратных самок.

Нет, так нельзя! Без шамана не обойдемся!

Строится канал Тобол — Иртыш. Строят присланные мужики, казаки, инженеры. Без местных не обойдешься, с ними заключают подряды на подвоз продовольствия, дров, строевого леса. Они обосновались поблизости в своих юртах, ярангах. Кто-то селится надолго, казаки у них на водку пушнину выменивают. У них там костры, песни, праздники, солдаты и казаки к ним ходят, по ихнему понимают, а те по-русски. Вот и Матвей Петрович раз любопытствовал, что у них за собрание: подъезжают на оленях, верхами, с семьями. Большую юрту поставили... — Камлать собираются, — объясняет казак. — Дело у них какое-то: заболел кто-то важный или умер, или два рода разбираются, убили кого-то, или так погадать хотят. Сильного шамана издалека привезли, духов будет вызывать.

— Как же они их вызывают?

— Соберутся все в чуме, костер разожгут, можжевельника накидают, сядут вокруг, а этот, приезжий, будет в бубен бить и вокруг костра плясать, и петь, как будто он летит где-то... а потом свалится и все расскажет.

— Что расскажет?

— Ну, кто виноват, и что делать. Потом коня зарежут, барана, вроде духу в жертву. Съедят сами. И все сделают, как он скажет.

— Ты откуда знаешь?

— Баба у меня из них, я к ним езжу на стойбище. Двое мальчишек у деда с бабкой живут.

— Любопытно посмотреть...

— Так что же, они свое закончат, скажите только, что хотите погадать, они с радостью. Вас тут, Матвей Петрович, уважают. «Гагар-тойон — большой тойон», говорят. И мы посмотрим. Мы тут в это... малость верим. Корову им приведите, барана, а то двух.

— Так передай им, что я тоже хочу спросить духов. А то так и уеду из Сибири, не повидавши ихнего театра...

Вокруг раздается визг пил, стук топоров, окрики десятников. Канал строится.

Ввиду важности предстоящего действия туземцы приступают к строительству особого сакрального одноразового чума. Тайно, в стороне, в лесу. Губернатор и не догадывается, что «иноверцы» так серьезно восприняли его полушутливое намерение.

В 1932 году этнограф И.М.Суслов наблюдал и описал строительство такого чума у эвенков.

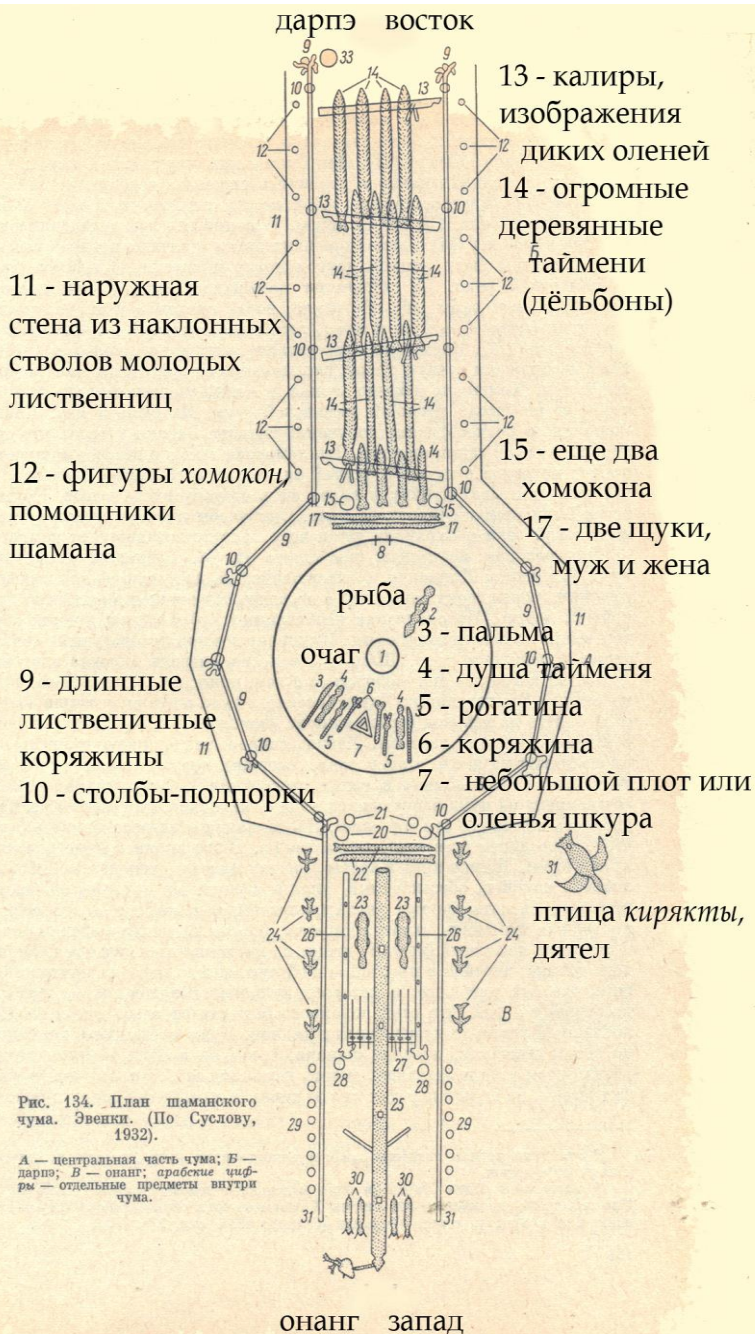

Рис. 134. План шаманского чума. Эвенки. (По Суслову, 1932).

А — центральная часть чума; Б — дарпэ; В — онанг; арабские цифры — отдельные предметы внутри чума.

Дарпэ — галерея, через неё участники попадают в центральную часть, где происходит действие. Она мыслится как мост, по которому некоторые духи переходят через шаманскую реку в чум, который уже отделен от «средней» земли, обиталища людей.

Дэльбоны — души тайменей, разведчики и посыльные шамана, а еще они отлавливают и поедают чужеродных духов. Они образуют «мост», опираясь на калиров — тоже помощников шамана. *Хомоконы* тоже помощники. Ох, нелегко и опасен труд шамана!

В середине чума конечно очаг, вокруг него опять разные рыбы и оружие — рогатины, *пальма* (копье с длинным лезвием), коряжины-*нольгот* (пни от засохших лиственниц).

Шаман сидит на *тому*, небольшом плоту или оленьей шкуре (треугольничек среди разложенного оружия).

Западная галерея, *онанг*, запретна для людей, и для шамана тоже. Через нее он общается с душами предков и другими существами «мира мертвых». *Онанг* состоит из предметов, сделанных из высохших или гнилых деревьев. В нем помещаются крупные *калиры*, могучие

помощники, (гигантские лоси, или быки, или мамонты). Рыбы там тоже крупнее.

Это все у эвенков; про якутов мы не знаем. Была ли у них такая же развитая обрядность в те далёкие времена? Что-нб да было, чтобы производить глубокое впечатление. Просто смешно было читать про облегченное бурятское действо, совершенное членом профсоюза.

Обычные посетители и сам шаман вползали в чум через восточную галерею на четвереньках. Сильный человек из чужой земли, бай, тойон, султан — как они у них там называются — почтенных лет, как же, Гагарину под 60... Для него, надо думать, просто разберут стенку чума, раздвинут стволы лиственниц, а потом за ним закроют. Если за ним какие духи и проскользнут, куда им справиться со своими местными, своим земля помогает. Пикнуть не успеют. Чужой чужой и есть; таким закон не писан, что нарушит, ему не зачтется. Ему и сиденье приготовят, низкое кресло под медвежьей шкурой.

Тот же казак приводит почетных родовичей, стариков и батыров, приглашать губернатора на праздник. Матвей Петрович уже отправил небольшое стадо для жертвоприношения. Деликатно снимает регалии, оставляет оружие, мундир выбирает поношенный...

Князь Гагарин, политик, дипломат, госслужащий, готов поскучать на церемонии. Можно не предупреждать, что представление затянется на часы. Ассамблеи Петровские тоже, знаете, сутками тянулись. Да и спектакли модные, оперы – надо делать вид, что нравится, просвещенный же человек должен поддерживать искусство.

На местных праздниках у туземцев тоже приходилось бывать, часто в его же честь, и самому принимать родовых старейшин, баев и биев. Маска благожелательности сама надевается.

Устроился Матвей Петрович поудобнее, слева молодой казак, тот самый, а справа пожилой казак – кафтан на нем казачий, а по лицу чистый калмык. В казаки охотно записываются молодые парни из «инородцев», и крестятся, и служат отлично, в разведке особенно, проводники отличные и лазутчики. Русские казаки женятся на местных, дети их тоже казаки. «Осип Иваныч все вам, ваша милость, перескажет, что делаться будет» — говорит молодой казак Василий, организатор этой затеи. Осип Иваныч чисто говорит по-русски.

Шаман тем временем греет и пробует бубен. Зрители сидят свободно, переговариваются... Не будем изображать, как постепенно они объединяются в кольцо внимающих, ждущих, взволнованных... все они уже не раз переживали подобное, тем легче им превратиться в участников, ассистентов. Шаман напевает потихоньку, покачивается — и вдруг вскакивает, приплясывая, идет вокруг огня, и вот уже поет заунывно, гремя и звеня подвесками...

Серебрится твоя ширина, золотится твоя глубина, незнакомых сводящая, отдаленных роднящая, мать пучина, ты рыбой полна и пронизана солнцем до дна....

«Это он, ваша милость, про то поет, что Земля, дескать, и Океан-море все могут, вот гостя привели издалека, и вы теперь нам не чужой...»

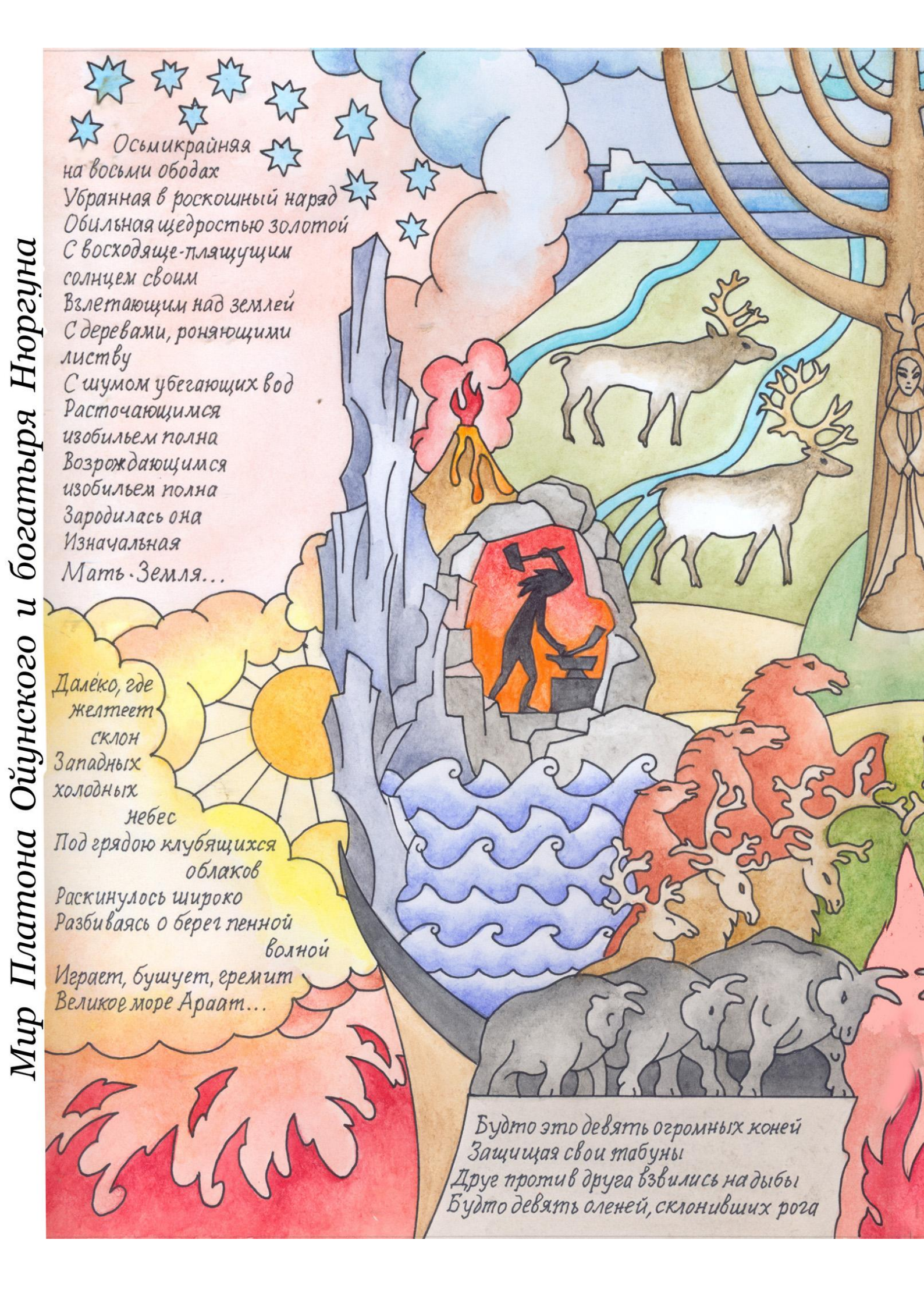
Пусть себе, думает Матвей Петрович. Что же, поет красиво; сколько ж он сможет плясать в таком убранстве?

«Это он думает, что летит на своем бубне, бубен у него конь, и летит он и весь мир видит...»

Не четыре конца у степи, а восемь, и не восемь, а сорок восемь, и не столько, во много больше, и летит молодой беркутенок, малахаем, сброшенным с неба, и проносится старый беркут, как кусок веселого дыма, и проносимся все мы сразу... (Стихотворение П.Васильева)

Вдруг шаман начинает выкрикивать, взвизгивать, валится на пол, корчится... воет, как от страшной боли. К нему бросаются двое родственников.

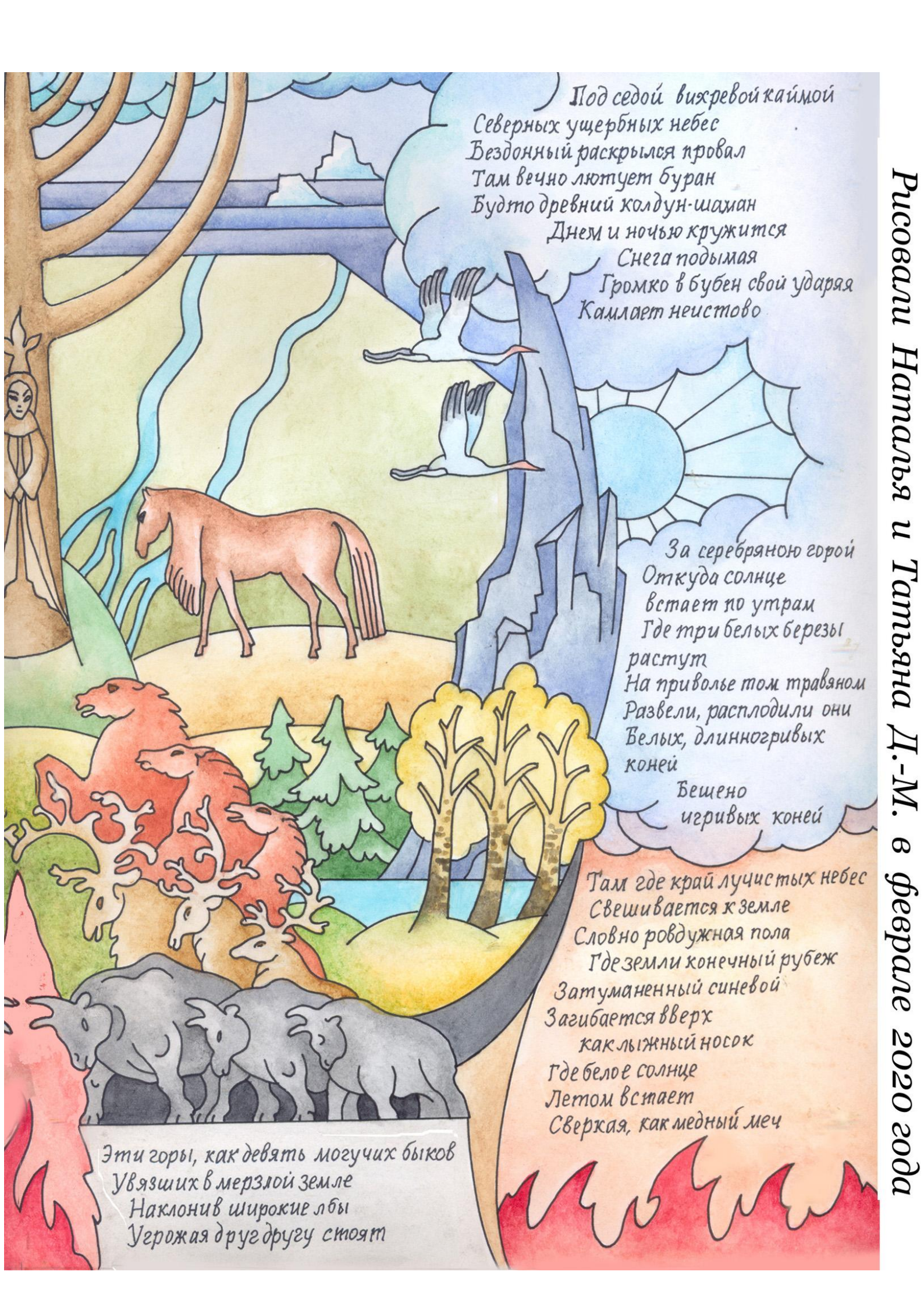
«Эк его... пойдете, господин», — говорит казак Осип, и вместе с молодым они выводят князя на воздух. Гагарин словно просыпается — он даже не заметил, как увлекся и тоже летел, летел, как беркут... И вдруг что-то огромное, темное нависло над ним, закрыло небо, превратилось в огромную черную птицу с двумя головами и потянулось схватить...

Осьмикраяняя
на восьми ободах
Убранная в роскошный наряд
Обильная щедростью золотой
С восходяще-пляшущим
солнцем своим
Взлетающим над землей
С деревьями, роняющими
листву
С шумом убегающих вод
Расточающимся
изобильем полна
Возрождающимся
изобильем полна
Зародилась она
Изначальная
Мать-Земля...

Далеко, где
желтеет
склон
Западных
холодных
небес
Под грядою клубящихся
облаков
Раскинулось широко
Разбиваясь о берег пенной
волной
Играет, бушует, гремит
Великое море Араат...

Будто это девять огромных коней
Защищая свои табуны
Друге против друга взвились на дыбы
Будто девять оленей, склонивших рога

Под седой вихревой каймой
Северных ущербных небес
Бездонный раскрылся провал
Там вечно лютует буря
Будто древний колдун-шаман
Днем и ночью кружится

Снега подымая
Громко в бубен свой ударяя
Камляет неистово

За серебряною горой
Откуда солнце
Встает по утрам
Где три белых березы
растут
На приволье том травяном
Развели, расплодили они
Белых, длинногривых
коней

Бещено
игривых коней

Там где край лучистых небес
Свешивается к земле
Словно ровдужная поля
Где земли конечный рубеж
Затуманенный синевой
Загибается вверх
как лыжный носок
Где белое солнце
Летом встает
Сверкая, как медный меч

Эти горы, как девять могучих быков
Увязших в мерзлой земле
Наклонив широкие лбы
Угрожая друг другу стоят

«Да, парадный мундир князя с крупными бриллиантовыми пуговицами стоил целое состояние. За одни только пряжки его башмаков были заплачены десятки тысяч рублей». А карета, карета как у Золушки, спицы посеребренные, подковы позолоченные, «хвост струится золотой, в мелки кольца завитой...» — передавали друг другу завистники. А во дворце «стены в роскошных палатах были зеркальные, а потолки из стёкол, на которых плавали в воде живые рыбы...» Золотая цепь! только что за интерес на рыб с брюха смотреть?

« да похвалялся князь и червлёным яхонтом (рубином) из Китая, величины с грушу, цены несметной...» Берег, наверно, чтобы царице поднести в час нужды, да не успел... Некоторые исследователи полагают, что царь благоговел перед знатностью Гагарина. Княжеский род Гагариных ведёт своё начало от Рюрика. Гагарины знатней Романовых, те-то не князья даже, так, бояре. Но Петр тем более ненавидел знать, боялся, небось шепчутся между собой: «Ведь Шуйский, Воротынский, легко сказать, природные князья...» — для того и Михаила Романова выбрали, простоватого, без влиятельных родственников.

Еще Гагарины — семья большая и дружная! Трое братьев, способные, деловые, здоровые, согласные между собой. Дети подрастают. А у него, у Петра, с наследником проблемы. Сын Гагарина женат на дочери вице-канцлера барона Петра Шафирова, а дочь князя вышла замуж за сына канцлера графа Гавриила Головкина...

И вечные, как почти у всех наших царей, тоскливые сомнения: я-то сам чей?...

Почитала, что люди пишут: вроде бы законный. Во-первых, такой же жестокий: Алексей Михайлович три бунта спровоцировал непомерными поборами (роскошь любил) и все подавил с подлинно средневековой жестокостью, казнил сотни тысяч. С другой стороны, законный, наследственность плохая: братья были тихие недоумки, а он активный псих. (Это они зря: да, из себя выходил, пил без меры, а все-таки чего хотел, добивался). Но не всего, не всего. Он Европы хотел, домогался неистово, что-то прихватил, но мало, мало... и то потом растеряли. Не осталось нам Европы ни на стопу ноги. (Вру, есть еще Кенигсберг, последняя льдина в растаявшей Арктике, с одиноким белым медведем).

...а Сибирь лежала бессильная, покорная. Была она чингизидская, стала московитская. Никто ее и не завоевывал, так, немножко постреляли, поугали. И пользуются: оттуда — что нам годится, туда — худое на выброс. Кто в Сибирь уехал, возвращался сказочным богачом, как дядюшка Стародум. Литературный типаж, те же дядюшки-«набобы» у англичан. Главное — *честно нажито!* Честно! О Сибири не особо беспокоились — куда она денется?

И вдруг в хмельную Петрову башку вступает: А Гагарин-то возьмет да объявит себя Ханом-Султаном Сибирским, с богдыханом договорится, на Русь подметные письма отправит: вались, народ, на мой широкий двор, земли в Сибири немеряно, леса гудят, топоров не напасешься, реки — другого берега не видать, по рыбьим спинам как по мосту перейдешь...

С кем же я, сирота, останусь, кого в армию поволоку поляков бить?!

При Гагарине в Китай отправилась первая официальная духовная миссия с митрополитом тобольским во главе. То ли китайцев обращать в православие, то ли с богдыханом сговариваться... Русских в Китае было уже много, бывших пленников, теперь — почетный гвардейский полк, «русская рота жёлтого с каймой знамени» Когда китайские таможенные чиновники прознали об опале могущественного губернатора, они обратились к царю с просьбой о его пощаде. А с ними и обретающиеся там пленные шведы, которые восхваляли его великодушное к ним отношение. Заговор!!!

В январе 1719 года Матвей Гагарин был разжалован из губернаторов и взят под стражу. Помимо всего, обвинялся он ещё и в государственной измене. Царю доносили, и не раз, что замыслил Гагарин отделить Сибирь от России. И якобы сам собирается там править, для чего даже создал собственную армию. Начал уже пушки лить, порох делать. Корабль какой-то шведы построили – не иначе в Японию плыть.

Царь отправил в Сибирь майора Лихарева, чтобы тот собрал сведения о фактах лихоимства, совершенного Гагариным. В отчаянии Гагарин пытался найти заступничество у Александра Меншикова и у царицы. Но тщетно.

Его имущество конфисковали, а самого Гагарина два года держали в тюрьме, подвергали пыткам на дыбе, жгли огнём, избивали кнутом.

Петр, наверно, лично присутствовал. Любил он это дело, прямо как царь Иван. Собственного сына пытал. И гипотетического отца, стрельца безвестного.

Но Гагарин так и не признал себя виновным.

Современник писал: «Не желая подвергать его всей строгости законов, царь постоянно отсрочивал его казнь и для отмены её не требовал от него ничего, кроме откровенного во всём сознания. Под этим условием, ещё накануне его смерти, он предлагал возвращение ему всего имущества и должностей. Но несчастный князь, против которого говорили показания его собственного сына и который выдержал уже несколько пыток кнутом, ни в чём не сознавшись, поставил себе за честь явиться на виселицу с гордым и нетрепетным челом».

Не вините сына: не все могут выдержать, очень немногие. Царевич Алексей тоже во всем признался и всех, о ком спрашивали, оговорил. А от него требовали все новых имен, новых показаний — уже после приговора. Так он и умер, казни не дождался.

16 (27) марта 1721 года Гагарин был повешен под окнами Юстиц-коллегии в Санкт-Петербурге в присутствии царя, придворных и своих родственников.

Через некоторое время виселицу перевезли на площадь рядом с новой Биржей для устрашения коррупционеров. Труп Гагарина провисел на площади более 7 месяцев.

После казни Пётр I на радостях устроил банкет на весь мир: заставил всех близких друзей (они у него с Гагариным были общие), а главное включая родственников казнённого, явиться на поминальный обед. Играл оркестр, на Царицыном лугу устроили пушечный салют. Все пили и поздравляли царя с победой над опасным человеком. Желали царю «многая лета» и победы на супротивных.

Потом, сжалившись, вернули вдове её приданое, сельцо какое-то...

При советской власти вспомнили уже, барельеф в Тобольске установили на стене кремля.

И все это князю Матвею приснилось!!!

Как ни странно это кажется, у него была редкая способность воспринимать и переживать чужие состояния, особенно боль — «по мнению», как говорится. Когда шаман глубоко погрузился в транс, он, князь, ощутил внезапно восторг полета, простора, удивительной свежести, молодости — а потом его начало страшно ломать, все кости, все жилы, все мышцы гудят, все тело корчит. Он думает, наверно так и должно быть по процедуре, надо терпеть. Стиснул зубы... но тут старый казак оглянулся на него, кивнул молодому, и они почетного гостя под локотки вывели, стену раздвинули и опять за собой прикрыли, никто и не заметил. Тут Матвей Петрович стал задыхаться. Казак Василий, не будь дурак, схватил со стола (столы с угощением стояли наготове) жбан настойки, налил большую кружку и влил в рот большому начальнику. Настойка была то ли на облепихе, то ли на жень-шене, то ли на багульнике — да мало ли в Сибири колдовских трав, до сих пор ни одному ботанику неведомых. Князь принял зелье и сразу очнулся. Только ослабел как-то... казаки отдали его слугам, а те увели и уложили отоспаться. А сами казаки нырнули обратно в чум — досматривать представление, и много чего увидели и услышали.

Шаман уже приходил в себя и курил трубку. Выкурил две, три, и перешел к следующей стадии. Велел сделать деревянную фигуру птицы — *кирякты* — дятла. И отправил птиц на Запад, на защиту от злых западных духов, которых вела за собой огромная двуглавая птица-орел. Духов было очень много, дятлы сражались храбро, и вот на помощь им поднялась прародительница-гагара, которая когда-то достала Землю со дна великого мирового Океана. От старости и мудрости у нее тоже выросла вторая голова. И схватились могучие птицы, и орел хотел пасть на гагару сверху, но взвились от земли стаями и тучами лебеди, стерхи, гуси, и не только сильные птицы, но и всякое мелкое птитво. И повернул орел назад, на запад... и полетел, тяжело взмахивая крыльями... а за ним стаями бросились розовые скворцы-майны, злющие как черти...

Все это пропел шаман на разные птичьи голоса, и щебетал, и курлыкал, и рукавами взмахивал, и на цыпочках переступал, и гости многие подпевали. А потом вдруг задрожал, закричал... Орел улетел за горы и там перекинулся медведем и пошел на них, всех давить...

Но не сдался шаман! Знал он, с кем сражается. Пока птицы бились в воздухе, помощники позади чума изготовили фигуру главного защитника. Из бревен и толстых стволов воздвигли они МАМОНТА. И рога ему вставили настоящие. И окропили кровью и зельями. И вышел мамонт навстречу медведю, и струсил медведь, убежал.

Шаман упал и заснул, как убитый. Оставили при нем помощников, с водкой и табаком, чтобы подкрепить когда проснется, а сами ушли пировать на вольный воздух. Мясо уже в котлах варилось, и звёзды в небе играли. И когда едой и питьем себя удовлетворили, а уже и солнышко вставало, пошли гурьбой к дому губернатора. И когда вышел молодой адъютант и объявил, что его сиятельство проснулся и спрашивает, что добрым людям надобно — вышли вперед шесть степенных старцев, родовые старейшины в лисьих шубах, казачьи старшины в нарядных мундирах — и попросили, чтобы князь их выслушал. Принял их князь в кабинете, в служебной одежде, усадил и спросил, о чем хотят они беседовать. И заговорил с ним вождь уважаемый, тунгус, в сраженьях поседелый, по-русски заговорил:

— Ты нам, как старший брат, как отец, Гагар-тойон. Ты нас за стол сажаешь, ясак берешь мало, да и то себе, а не царю. Леса наши, родовые земли, не отдаешь мужикам. В солдаты ребят не забираешь. Лес, он все знает, все слышит: идет сила несметная тебя от нас забрать. Нам без тебя плохо, а тебе там совсем конец. Оставайся у нас!

Все понимают друг друга. У Гагарина — предчувствия и знание жизни. У сибиряков своя разведка, им ветер навевал, птицы напели. Высланная за губернатором воинская команда перешла за Урал. Сейчас или — пропади оно все, одна умирает?

Накрывают стол, приглашают известных уважаемых людей, по одному от народа: один хакас, один швед и т. д., подают водку, чай, настой чаги, на кухне бычка режут, сейчас кувардак подадут, и решают: предупрежден — значит вооружен. Чтоб быть Сибири Сибирью, нужна сибирская армия.

Вот что, братцы, вожди и воеводы, — говорит князь. — Если каждый из вас от своего племени приведет хоть не по сто — по 50 бойцов, то напавши тайно, да ночью, неожиданно, из леса вы царский отряд как языком слизнете, и следов не найдут, и не узнают, куда делся. Если так будет, я сам к Петру пойду и сдамся. Или миром возьмем свободу, или никак. Вышлем к ним сейчас навстречу митрополита, пусть передаст наше царю послание, что Сибирь больше не его. Заключим договор, как жить дальше по-братски, послов посылать, торговать, с Китаем, с Японией дела вести.

— Не пойдет он на это, Матвей Петрович, — говорит седой, могучий старик-старообрядец. — Чтоб царя-то, чтоб Алексеев сын да не воевал...

— Посмотрим, что ответят, — говорит князь. — Армию строить так и так надо. Соседи у нас — ойроты и казахи, а за ними Китай, Хорезм-шахи, турки. Сбирать молодцов, учить, пушки лить.

— Ты, князь, чукок призови, — говорит молодой еще, красивый вождь-юкагир. — Злее их нет народа, и храбрее нет.

— Чукчи - интересный народ... — вслух размышляет якут.

Здесь история Российской империи сворачивает в сторону, и в ней не состоится затяжная, жестокая и бесславная чукотская война. Вот что было бы, если бы...

В 1732 г. чукчей («чюкч») характеризовал их непримиримый противник, капитан Д.И. Павлуцкий (чьим именем чукчанки пугали детей; потом чукчи и его убили): «Чукчи — народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают».

Народ был свирепый, жил грабежом соседей, рабов держал, смерти не боялся вообще.

Несмотря на малочисленность населения,

Чукотку присоединили фактически к территории

России только в конце 19 века (позже Аляски!), хотя пришли туда русские еще во второй половине 17 века. 200 лет покорить никак не могли!

Помогли русским доведенные до ручки юкагиры, коряки, эвены, ительмены; они часто соглашались стать подданными «Белого царя». Пришлось русским вступаться за новых подданных. Набеги чукчей следовали один за одним. Чукчи в походы выходили порой и целыми армиями. В 1793 году на эскимосов вышло войско в 8000 человек (Аляску чукчи тоже грабили). Без вождей, без верховного вождя, действовали дружно и организованно.

В 1740 году сенат повелел: «итти на немирных чюкч военною рукою и всеми силами стараться не только верноподданных Е. И. В. коряк обидимое возвратить и отомстить, но и их чюкч самих в конец разорить и в подданство Его Имп. Величества привести».

В 1742 году «на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе, точию которыя из них пойдут в подданство Е. И. В., оных, также жен их и детей, взять в плен и из их жилищ вывести и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам и местам между живущих верноподданных».

Были и мирные чукчи, мало, но были. Некоторые крестились, учились и даже делали карьеру среди казаков.

Противостояние чукчей, русских и союзных им народов превратилось в настоящую войну 1727-1760 гг., в результате к середине XIX века в живых остались только мирные оленеводы. Т.е. почти сто лет немирных добивали?

Поэтому чукчей исследовали довольно много. В частности, особо влиятельного шаманства у них не обнаружили. Шаман принимал участие в отправлении «промыслового культа», что у многих племен не допускалось. Он провожал с пением уходящую на китобойный промысел байдару, а также отпевал китовый скелет, который опускали в море, чтобы он там возродился и умножился.

Воспитание воина начиналось с рождения ребенка. Мальчика приучали переносить голод, мало спать, развивали его мускулатуру. Выносливость чукчей поражает воображение: женщины на открытом воздухе, при 30° мороза, шили целыми днями, да еще шубу с плеч сбрасывали. Охотники и пастухи несколько суток обходились без сна и еды.

Самых первых исследователей взволновали два обычая чукчей: добровольная смерть — когда стариков или калек убивали собственные дети, при всем высоком уважении к старшим; могли быть и самоубийства. То же самое водилось у многих народов, особенно кочевых. У земледельцев тоже была своя нараяма.

Второй обычай: гостю-родственнику или другу-побратиму хозяин предоставлял жену. Заимообразно, в ожидании такой же любезности. Чукчанки были в семье достаточно независимы: могли требовать развода, уходить к другому, в выборе жениха капризничать. Многоженство допускалось. Детей очень любили и матери, и отцы.

Чукчей покоряли с особой жестокостью. Их удивляло, что русские истребляют всех поголовно — сами они, захватив стойбище, мужчин убивали, а женщин с детьми уводили. Убить женщину позор — если она сама не сражалась.

В XIX веке путешественники то и дело тыкали в нос читателям рыцарственные добродетели «отсталых» народов, особенно американских индейцев: никогда не врут, дети уважают родителей, женщины неприступны, мужчины храбры и бескорыстны. (Про людоедство вспоминать избегали). Нравственный закон внутри нас, который мы заглушили изнеженностью и политикой.

Вариантов нравственного закона на самом деле множество: одним он приказывает приносить детей в жертвы Молоху, другим жениться только на собственных сестрах, третьим закапывать с покойником живых жен, потом можно еще почитать императора или родину выше здравого смысла, бросать покойников на растерзание хищникам, или наоборот служить им как живым, или любое из этого в любом сочетании. Что тут врождённое, что образовал естественный отбор?

Свирепые, но добродетельные чукчи, похоже, и до родового строя не дошли. До развитого шаманизма не дошли. Так, мужики камлали по мере надобности каждый для себя. Но бубны обтягивали человеческой кожей (вранье, наверно).

Чукчи относят себя к избранной расе. Остальные народы Севера (эвенки, коряки) сотворены лишь в качестве «помощников». Создателем нации стал ворон по имени Куркыль, но и другие северные животные имеют непосредственное отношение к сотворению мира.

Кажется, чукчи, «Самураи Севера», не сложили единого мифа или героического сказания, и выяснять, что они себе думали, пришлось по крупицам. Один этнограф поговорил с одним чукчей, другой с другим, и получилась довольно путаная картина...

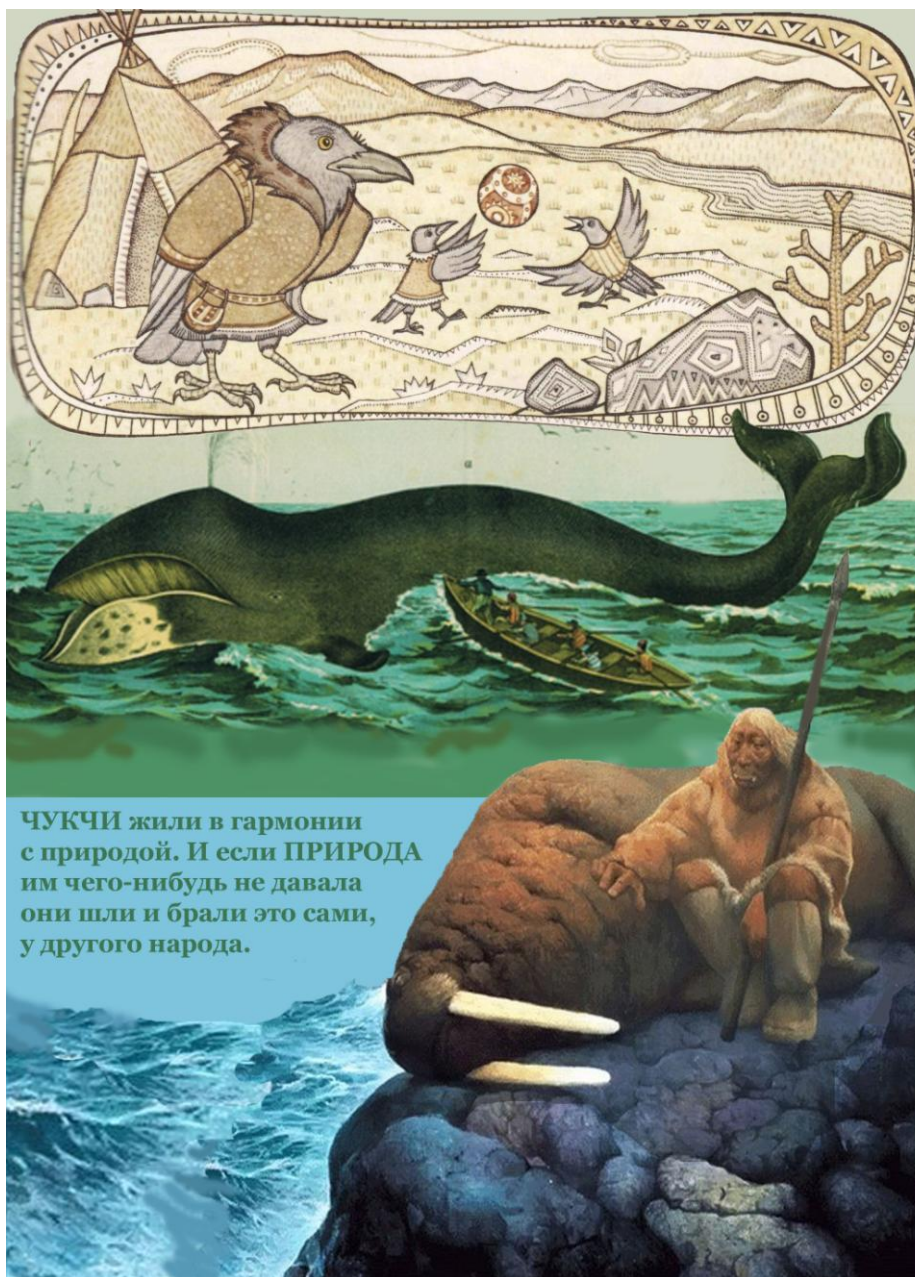
Мир создал Творец — Полярная звезда. Творец создал Ворона и маленькую птичку, чтобы они «продолбили зарю». У Ворона не получилось, а птичка сумела «продолбить зарю», и стало светло. С тех пор мелкие птахи опасаются Ворона (но это не тот Ворон, который трикстер, вроде Прометея, жулик!).

Людей Творец создал из нерпичьих костей, а русского — из огнива. Научил людей размножаться и дал им одежду. Остальное он поручил Ворону, тот создал горы, реки, оленей, тюленей и рыб. Он побеждал чудовищ, а иногда становился незримым и носился над землей в образе грома. Иногда он превращался в человека-воина, иногда — в сильного шамана. Он женился, у него был сын. Потом Ворон заболел и умер, оставаясь при этом незримым громом. За помощью к нему не обращались, жертвы не приносили. Зато почитали природу, созвездия, разные небесные явления, 22 «направления», в т. ч. зенит (вершина, среднее существо), полдень, солнце, надир (полночь), Полярную звезду. К «существам» причисляются и мухоморы, считающиеся особым «племенем». Мухоморы — источник наркотической ритуальной еды — играют большую роль в мифологии. Антропоморфные фигуры с грибными шляпками сохранились на наскальных изображениях.

Животные в чукотских сказках — тоже люди, только другие. Девушку, которую родные бросают в море, спасают моржи и она становится хозяйкой моржовой страны. Охотник может вступить в брак с женщиной-китом, или нерпой. Нередко животные похищают женщин.

Даже немногих цитат достаточно, чтобы испытать досаду оттого, что этот народ не получил той же популярности, что индейцы Дона Хуана, викинги или кельты... Кстати, Кастанеда пользовался веществами для расширения сознания (*см выше*)...

Вся жизнь рассматривалась как противостояние двух начал: доброжелательного (солнце, тепло, свет) и злого (луна, холод, темнота). Человек не противопоставлял себя природе, а жил, как часть этого мира...

ЧУКЧИ жили в гармонии с природой. И если ПРИБОРА им чего-нибудь не давала они шли и брали это сами, у другого народа.

Почему так сложен, иррационален мир экзотического народа?

Идет, скажем, какой-нибудь академик Паллас. Встречает аборигена в перьях, шкурах и бусах. — А скажи-ко мне, любезный аборигенушко, как ты себе представляешь мироздание? Вот это все, вокруг? Небо, Землю... (по аборигенски спрашивает). Информатор улыбается и руками изображает что-то вроде сферы. Паллас записывает в блокнот, благодарит, идет дальше. Встречает другого: А скажи-ко мне...и т.д.... Землю? Туземец водит перед собой руками, как будто что-то размазывает по сковородке. Паллас записывает и подводит черту: «Мир в представлении лауроветланов одновременно плоский и шарообразный...

(Лауроветланы – самоназвание чукчей. Как все самоназвания, означает «настоящие люди»)

И страна опять вступила в предназначенный ей круг...

На моей памяти — третий. Если считать первым от начала и до конца Романовых, который припечатал навсегда Карамзин, то четвертый. Нет, воровали всегда, но во времена Иоаннов и Василиев как-то называлось иначе. Присваивали. Брали! Это слово отметило весь XIX век. Брали взятки. Крали тоже.

Вот кроткий Короленко (История моего современника) в Кронштадте, в качестве ссыльного, попадает в... это сейчас называется КБ, где куется грозное оружие нашего непобедимого флота. Моряки, артиллеристы — это ум армии, её цвет. Он восхищен гениальным изобретателем, создателем магнитной самодвижущейся мины, поражающей врага из недостижимых глубин, неотвратимо. Политически неблагонадежный Короленко готовит чертежи для первого в мире подобного изобретения...

Приносят экспериментальную модель и предварительную смету. Бедный студент в ужасе: откуда такие расценки?! Бронзовый болтик — 17 руб. (Вспомним, что зарплата учительницы в губернском городе — 20 руб.) Да он копейки стоит!!

Изобретатель мнется. Сам-то он, может, ничего и не хочет, кроме радости творчества и славы отечества. Но ведь сколько рук это пройдет, сколько начальственных столов... всем жить надо, у всех дети... Бери и брать давай другим).

И это, между прочим, на полпути от Севастополя к Цусиме.

Выручало то, что в других армиях тоже брали. Вот не знаю, как в Японии. У них все по-другому, у них полиция взяток не берет. Найти кого-нибудь, спросить, воруют ли в японской армии.

В брежневские времена говорили: советская оргпреступность — самая организованная в мире. Она была замкнута на самый верх. Республиканские секретари иногда стрелялись, может иногда странно умирали. Дело Елисеевского было венцом всего.

Тем, кто скажет, что при Сталине не воровали, ~~нельзя~~ — дайте прочесть вот это чистосердечное признание.

Году в 46 дома у нас появился роскошный абажур, как в лучших домах — большой, над общим столом, где собиралась вся семья. Оранжевый, с черным орнаментом по краю, на оборках. Сделан он был из марли, купленной «с рук», и выкрашен смесью таблеток акрихина (пронзительно-желтый) и красного стрептоцида (темно-красный). Таблетки, может быть, покупали в аптеке.

Много лет спустя хороший журналист, детский писатель, наш друг Юра Крутогоров написал роман о детстве и юности — «Бабушка». В войну он был уже почти подростком и вместе с бабушкой, самым близким тогда человеком, участвовал в схеме реализации марли...

И бабушка, и мальчик знали, что это дело подрастрельное.

Вряд ли марлю крали из госпиталей, она до них просто не доходила. Как и многое другое, как провизия до солдат. Вот и мы были соучастниками.

Во времена Короленко один вполне лояльный журналист написал как бы в обращении к императору, что если он случайно, на прогулке, встретит юношу с открытым лицом и чистыми глазами — пусть знает: это его враг. Эти идеалисты, представьте, иногда пытались ловить вору за руку и орать: Грабят! Вас, россияне, грабят! Для них были специально узаконены «административные аресты» и «административные высылки».

Потом эти юноши сами повстречали царя на узкой дорожке.

Такая колея наезжена, по самую ось, разве выскочишь? А если снегу накидать, лапника? Хоть попробовать? Матвей Петрович, а? Ну хоть помечтать?

Или будем и дальше ходить по кругу, как Винни-Пух с Пятачком, ужасаясь все новым следам Буки и Бяки?

Князь Гагарин, правитель Сибири, знает, как поступать с неукротимыми народами. Лучших из них, самых отчаянных, самых заносчивых, приглашают в личную охрану. Из них формируют гвардию. Европа обзавидуется: что швейцарцы, что кроаты...

Воинская команда бодро движется по наезженной караванной зимней дороге с Урала в Тобольск. Местами путь пролегает как в ущелье меж крутых лесистых обрывов, занесенных глубоким снегом. *(Должны же там быть утесы, например когда путь следует по руслу реки? Конечно, это не Алтай, не к Якутску они идут, вот где скалы... ну найдутся все-таки).* Хорошо идут. Часть отряда местные казаки, взяли для подкрепления, половина регулярные солдаты, полтавские ветераны, командиром у них полковник Лихарев, здешние места и дела ему знакомы, он здесь уже был с розыском. Тогда не дали дело завершить, собранные свидетельства хищений, воровства, а главное заговоров — спрятали. Да видно не больно далеко. Не поможет тебе больше, губернатор, царица Катька, у нее с царем ба-альшая ссора, самой бы головы не лишиться...

Дня три назад они встретили обширный торговый караван из Нерчинска, вернее из Кяхты — официального статуса у этой маленькой крепости еще нет, но торговля уже перемещается туда, вместе с хищной толпой таможенников. Охрана, вооруженные казаки и отставные солдаты — числом, пожалуй, больше, чем команда Лихарева. Начальник предупредил полковника, что крепость, которую караван миновал и к которой сейчас приближается отряд, почему-то пуста, ни гарнизона, ни провианта в ней нет, ни даже сигнального поста, но не разрушена, цела, и даже ворота на замке. Ничего, зато команда переночует в казармах, в тепле. Дрова кругом.

За поворотом русла выясняется, что дров кругом даже слишком много. Какой ураган тут пронесся только что, после каравана — все ущелье меж крутых берегов, речной лед — все забито рухнувшими стволами столетних елей и кедров. Видно, как деревья падали с верхнего края обрыва, валились, увлекая другие, выворачивая с корнем, сползали, переплетались сучьями, и образовали наконец непреодолимую преграду...

Русский солдат, бывший русский мужик, в лесу родился, пням молился. Упавшей ёлкой его не испугаешь. Нужно всего-то разобрать, прорубить в этом дровяном складе щель, чтобы трое-четверо в ряд прошли, там и обозные сани проедут, и пушечка. Ну, уйдет два-три дня. Провианту мало; забраться надо наверх, посмотреть, далеко ли это безобразие тянется, да не попадутся ли дикие, у них оленя выменять. Только вот день кончается.

Полковник распоряжается ставить палатки. Роту отправляет к завалу, дрова рубить. Казаков из местных посылает наверх, осмотреться, пока не стемнело... Мушкеты составлены в козлы, котлы достают, все рады остановке: мороз-то суровый, да пока рубишь, согреешься, а там кулеш поспеет.

И вдруг мертвая морозная страна оживает. Из льда и снега, из камня, из нагромождения стволов и ветвей возникают странные, сперва чуть различимые фигуры. Возникают одновременно закутанные в белое фигуры людей... Темнеет с каждой секундой, но заметить успели все: у каждого — лук с наложенной стрелой.

— Полковник Лихарев! — окликает сверху голос, чисто по-русски, но с непривычным акцентом, и на лед словно спархивает одна из белых фигур.

Нет-нет, этот человек просто съехал на лыжах.

Каких только людей у нашего царя нет!

У лыжника, под распахнутой дохой из белого песка — мундир казачьего прапорщика. Лицо у него темное, гладкое, как сковородка, глаза-щелочки. На ногах пимы и короткие лыжи. Достает из-за пазухи и протягивает полковнику официального вида пакет с печатью и шнурами.

— Императору Российскому Царю Петру Алексеичу от Правителя Сибирского князя Гагарина Совет да Любовь, и Дружба вечная и Взаимное Удовольствие... За саблю-то не хватайся, Лихарев, я — посол, оружия при мне нет, а в тебя три якута целятся, они соболя в глаз бьют.

И полковник понимает — вспоминает — что это за говор. Живут в Сибири в лесах, живы еще, кто Аввакума слышал, а то и Разина живого видел. Дети их и внуки от калмычек, тунгусок, удмурток — старообрядцы, повадка у них волчья, вера неколебимая.

— Пишет он Царю вашему, чтобы в Сибирь больше не ходили, а имели бы с нами как с чужими державами отношения и договоры, торговали бы с нами, а в Китай через нас посылали, казахов и джунгар не мучили. А мы будем Урал охранять, Демидовы заводы. Приказал Матвей Петрович, чтобы мы вашей крови ни капли не пролили. Дальше вам ходу нет, до Тобольска нигде ни жилья, ни припасов не найдете, а идите вы обратно, за поворотом олень вам оставлен. Захочет царь с нами воевать — пусть шлет войско побольше, и мы уж изготовимся...

Детский писатель Короленко, детский. Не потому, что его в школе проходили. В жизни, в сочинениях его поистине детская чистота (то, что принято так называть; сами-то детки бывают сами знаете...). Ничего не хотел он для себя и в бунтарстве, и в литературе. Не самоутверждался. Что спорить, один из лучших людей своего времени.

Что огорчает еще при чтении его «Истории...»? Он опоздал немного к началу «хождения в народ», а поспел прямо к «Процессу 193-х» — когда мужики всех печальников своих отловили и сдали в полицию (картиночку Репина все помнят). Осужденные агитаторы только себя винили. Мол, не поняли душу народную, не нашли к ней пути. А может быть, народ был не совсем тот? Может быть, вблизи городов народ испорчен тлетворным влиянием, надо было искать настоящий, глубинный народ? С такими ожиданиями молодой правдолюбец отправляется в очередную ссылку — куда Макар телят не гоняет, куда серый волк костей не заносит и никаким самолетом не долетишь, сесть негде. Едет и едет день за днем на санях по лесам и оврагам, благо болота замерзли, и греет его предчувствие, как увидит он истинный Лик Народа и посмотрит глазами в глаза... правда, читателя он предупредил, что идея изначально была дурацкая.

И все бы ничего, обломали романтика, а он не спился, не озлобился, не пошел служить власти, так и остался народным заступником. Но в наше время, умное и циничное, идея всплыла наверх, растет и ширится, булькает и пенится! И я, кажется, помню момент в начале.

Попала я случайно в литературную компанию — чуть ли не в день рождения Достоевского, в 72. Они все были с важного мероприятия, заседания или чего там, и обсуждали проблему «почвенников» — нет, кажется пока еще «деревенщиков», спутавших привычные идеологические противостояния (официальный патриотизм и скрытая контра). Да, деревенщики-то были еще больше патриоты! Кто-то из интеллей, кажется, сказал: если они победят, они всех нас убьют (в смысле в печати, наверно). «Нет, их самих убьют», грустно провещилась моя подруга — имея в виду обращение власти с неудобными писателями...

Ничего такого не произошло, но многие люди с сердцем и умом начали косить вправо (тогда это так не называлось). Известный пушкинист, тонкий и глубокий человек, вдруг стал отстаивать традиционные ценности и неисчерпаемые глубины нравственности в русском народе. Что это за субстанция, после того как войны, переселения, бегства, ссылки, эвакуации, межнациональные браки, лагеря перемешали ее большой ложкой? Индикатор остался один — язык, воспитание чисто советское, идеология — «на нашей планете вся сила в монете». Только семейные связи остались.

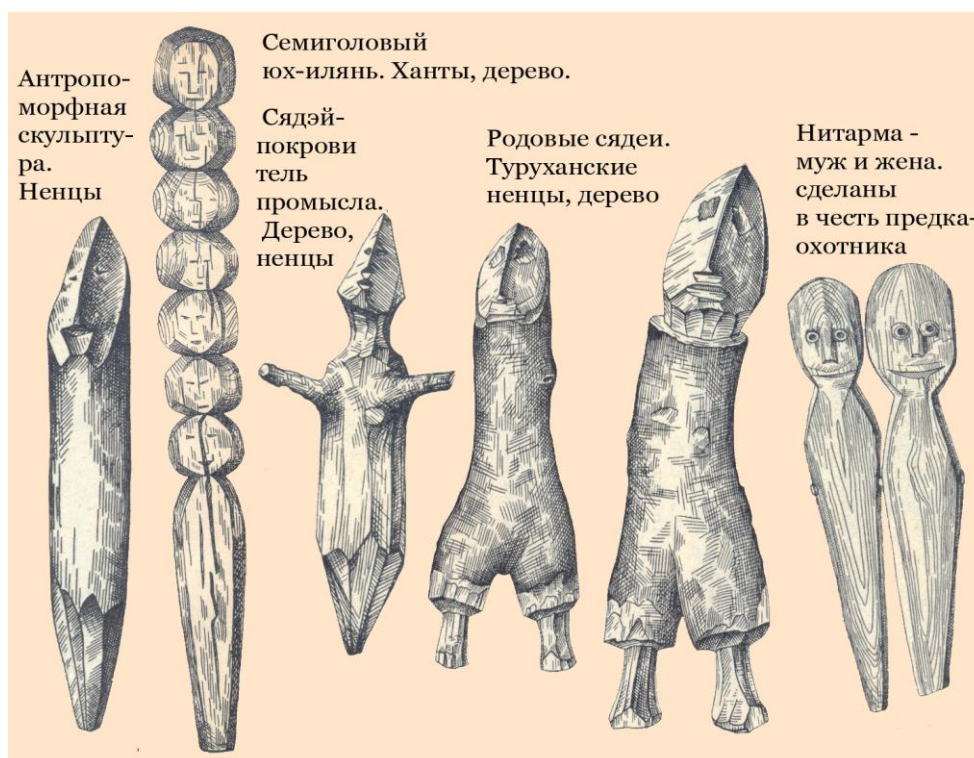
Когда-то Жозеф де Местр написал, что русский народ — страшно непросвещенный и озлобленный, никаких авторитетов, сдерживающих начал не знающий. Церковь, униженная, необразованная, нищая, не имеет в нем никакого влияния. Только жестокость власти удерживает его в подчинении, а также неспособность организовать. Потому и Пугачев сейчас ничего не добьется. Но вот если появится, пишет де Местр, «университетский Пугачев»... И накликал, вот-вот будем справлять день рожденья.

Пьер Безухов когда-то объяснял, что он не хочет, «чтобы Пугачёв сжег его дом и семью или Аракчеев сослал его в Сибирь» (насколько помню). Правда, сердце успокоилось семейными ценностями и глубиной народной войны, занесенной над «всяким, кто покусится». Между Пугачевым и Аракчеевым. *И лежит страна в снегу, блескнут искры на лугу... В.Пятницкий.*

Хуже, чем побитый, возвращается Лихарев по своим следам. Солдаты, те бы и бегом побежали: укрыться бы только от мороза, костер разжечь. Им что, начальство же приказало поворачивать. И вот, обогнув скалу, на уголке плоского берега видят они навесы и ограды из лапника, и места расчищенные под костры, и кучи веток, сучьев и хвороста, и береста, только огниво поднеси... и для палаток снег разгробен и лапник постлан — сами бы о себе так не позаботились. И на коже олень ободранный уже, порубленный. Только бы команду дали...

Полковник делит отряд пополам. Половина готовит бивак, половина охраняет: часть уходит вперед на разведку, часть отходит назад в тыл, самые ловкие взбираются на обрывистый берег, нет ли там засады, не ждут ли разбойники, что команда поест и спать уложится. Разведчики возвращаются смущенные. Там, где срублены молодые ёлки для их укрытия — идолы какие-то понатыканы...

Что еще там? Идет посмотреть подпоручик казачий. Бревна какие-то с вырезанными рожами...

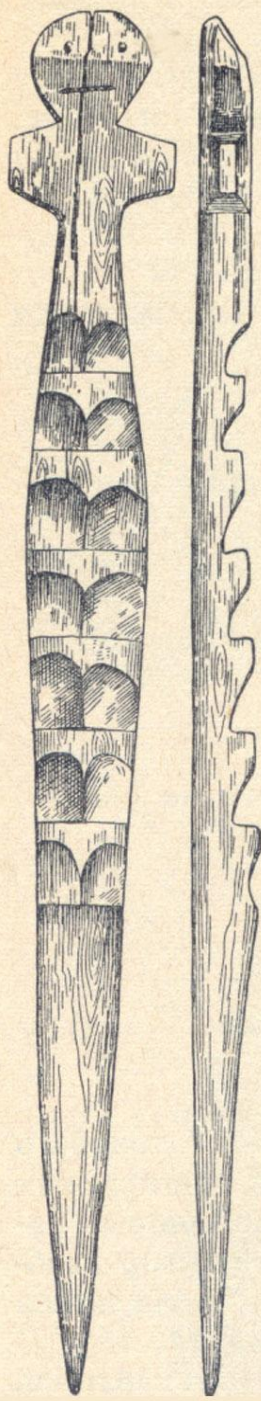

Вот, значит, как позаботились... Будь в команде настоящий абориген, он бы понял: идолы-то брошены, потому что люди ушли, семья откочевала или рассеялась, нет в них никакой силы — дрова и дрова. А незнающим боязно... унести подальше? В костер бросить? А кто их знает...

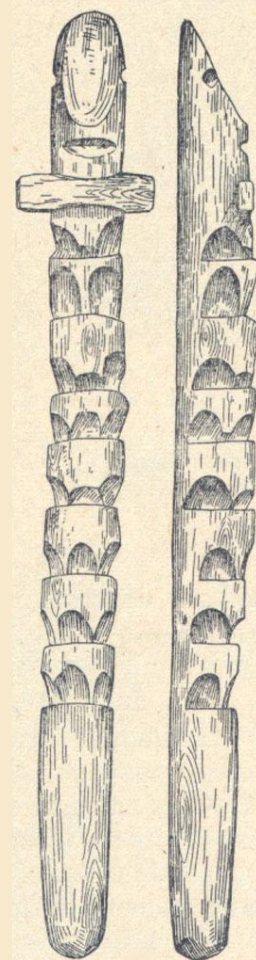
Так и оставили. Оленьё мясо положили в котлы, пшеница насыпана, соли. Половине команды велели палатки ставить и спать до ужина, половине ходить дозором и варить хлеб. Как сварилось, вместе поужинали, под охраной, конечно, потом поменялись до новой очереди. Месяц уже высоко стоял, звезды, как горох....

Лихарев и на полчаса не прилегал. Обходил посты, за кострами присматривал, заглядывал в палатки... уходил вперед, назад возвращался, слушал... По обрыву поднимался. Как вернуться назад, как объявить, почему приказ не выполнил? Самоедов с луками испугался? Пушек не боялся, а тут... команда дрянь, а лучше где взять?

Утром половины команды не досчитались. Сбежали казаки.

Гагарин объявил себя ПРАВИТЕЛЕМ СИБИРИ, Сибирь — Свободной Землей Свободных Людей и свободных народов. Да, сказал он, каждое племя знает свою исконную землю, живет на ней по своим законам и обычаям. Язык свой, вера своя. А где своя земля кончается, свой язык и обычаи, и соседская начинается, смотрят мудрые люди по преданиям старого времени.

Многоликие
ХОМОКОНЫ

Дерево.

Эвенки.

и все они запишут буквами русскими и немецкими, и впредь будет по сему навеки (язык национального общения — русский; а Европа для справедливости. Можно, впрочем, латинский текст добавить, для науки; или китайский?). Тем самым и карту составим. Стралленберг, Филипп Иоганн, чертит уже. Думает в Европу вернуться, издать. Большой учености человек, поговорить с ним одно удовольствие.

Выберем время, поедем со Стралленбергом к самоедам, к тунгусам, к якутам. Тогда уж у него на карте все точно будет, не по рассказам. Напечатать можно и здесь. Или в Китае. Стралленберг сам о Китае мечтает... Это можно, инженера везде возьмут, а вот выпустят ли...

Императору Канси первым делом писать. Или Демидовым? Нет, на Урал надо ехать не с пустыми руками — с предложениями, планами, гарантиями.

А в Китай насчет албазинцев. Живут они там превосходно, в почете, на казенном

довольствии, служба — иногда в свите покрасоваться. Коренные китайцы завидуют, им при маньчжурах о военных чинах мечтать не приходится. Так они еще русской веры держатся — правильно, надо беречь свою особость. Поп у них был свой, под храм отдали им кумирню Бога Войны, значит уважают наших воинов, хоть и побили. Приморье отняли. Ничего, вернем. С молитвой, с Николаем Скоропомощным — не зря икону завезли. Пока служил отец Максим, и разговору не было, но вот преставился он сколько уже, года три, и с тех пор переговоры, разговоры, китайские церемонии, ни да ни нет, да как же это может быть — наконец как будто столкнулись. Поехал к ним в империю наш тобольский архимандрит Иларион (Лежайский) со свитой, с митрой, книгами и иконами. Приняли торжественно... при том только

условии, что зачислят на императорскую службу. Казённые квартиры около албазинской церкви, временное пособие от... как это у них называется? *Трибунал внешних сношений*, Лифаньюань. И ежемесячное жалованье. Стало быть, зачислили наших миссионеров на свою службу, как подданных Империи Цинь — дескать, православные священники обслуживают духовные надобности и нужды гвардейской роты цинских солдат, пленных албазинцев и прочих русских, какие там окажутся в империи Цинь. А в России «китайская православная миссия» управляется сибирским митрополитом, чья резиденция в Тобольске.

Как теперь с митрополитом договариваться...

Всем градоначальникам, воеводам, полковникам, купеческим старшинам, таможенникам, казачьим атаманам и урядникам рассылается не то рескрипт, не то манифест: «Сибирь больше русскому царю и Российскому Императору не подчиняется, дани не дает, рекрутов не дает, войск и чиновников к себе не пускает. Управляется сама собой, каким способом — будем договариваться со всеми жителями, туземными и пришлецами. Со всеми соседями хотим дружить, торговать и в бедах помогать, воевать не хотим и другим не дадим. Кто этому не рад, пусть сейчас же отъезжает в российские пределы свободно, со чады, домочадцы, рабы и клеветы, а в Сибири рабов больше нет. Имущество свое пусть увозит, доискиваться, не прихватил ли чужого, не станем.

Кто хочет остаться, рады принять в сибирское подданство со всеми равными у всех правами и обязательствами, а честь будет каждому по заслугам.

Общий для общих надобностей язык утверждаем русский, а меж собой всяк как хочет говорит. Единая остается для всей страны Православная церковь, а прочие веры и обычаи всем свободно дозволены, кроме лишь человекоубийства и иных обид.

Правитель Сибири Матвей Гагарин»

Пётр понятно почему православием озаботился: думает заслать шпионов в империю Цин. На что рассчитывает? Что попы и дьяконы, запертые вместе с гарнизоном албазинцев в закрытом городе Пекине, что-то очень важное и секретное узнают и ему отправят. Это как? С птицами перелетными?

Раньше надо было думать. Миссионеров там хватает — католиков, иезуитов. Вот это так шпионы! Все люди образованные, лекари, астрономы, механики. Часы императору привозят, географические атласы. Показывают картинки с европейскими городами, дворцами — он тоже такие хочет, в прекрасном новом стиле. Художник, итальянец, его рисует на любимом коне, заодно всех любимых коней и собак. Нам бы самим таких неплохо позвать — миссионеров...

Что там у них в империи творится, мы короче узнаем, от купцов. Есть такие, что чинский язык понимают, а толмачей берут и своих, и тамошних. И все знают! Чуть какой товар подорожал — знают, к чему. Да еще енисейские казаки через границу ходят, шило на мыло меняют. Многие там жен завели, по-китайски: одна жена здесь, другая там. Плохо там настоящим китайцам, ханьцам: маньчжуры их от таможни, от всех хлебных мест отогнали. Знатные грамотеи, быть бы им судьями, советниками, нанимаются в погонщики, в носильщики. Такого одного Гагарин себе заказал: начальнику каравана объяснил, кто ему нужен, третий год уже работает. Пока — бухгалтер, и в школе учит китайскому языку. А что? Такая вакансия открылась — каждый дьячок норовит сына пристроить.

Ну, школа — пустяки. Тут и простой носильщик сойдет для начала. Академию надо создавать! Вызвать Дембея из Казани. Ничего у них там не выйдет. Да, вот ученый Лейбниц Петру предписал открыть три университета: в Петербурге, в Москве и в Казани. А мы откроем здесь. Будем изучать все языки, все народы, горы и озера, недра, леса, зверей... в Якутске. Подальше, там безопасней. А здесь, в Тобольске, создадим армию. Какая у нас будет армия!

Положение хуже губернаторского — чье? ПРАВИТЕЛЯ. Хотя это одно слово в разных переводах, на латынь и на русский. Сначала-то на русский его перевели буквально: кормщик, тот, кто ворочает большим кормовым веслом, и его усилия *направляют* всю большую галеру. Царь назначал доверенного слугу «на кормление» скажем в Калугу. И очень скоро слово приобрело такой специфический смысл, что пришлось менять термин. Вот — Губернатор. Гувернёр. Кибернет.

Реальный князь Гагарин был типичным губернатором. Губернатор отвечает перед царем. В нашей утопии он становится Правителем, и перед кем он отвечает? Если скромно — перед Историей...

Бросив вызов Империи, Матвей Петрович собирается править не двенадцатью языками, а двумястами, на самом деле их больше. Намерен он быть твердым, порой и строгим, справедливым и по возможности милостивым правителем. Только не надо вспоминать мудрого отца: народы, даже совсем малые, уж никак не дети. Да, их обижают, того гляди со света сживут, а почему? Сил не хватило стать большими и сжить со света соседей. А то бы точно не промахнулись.

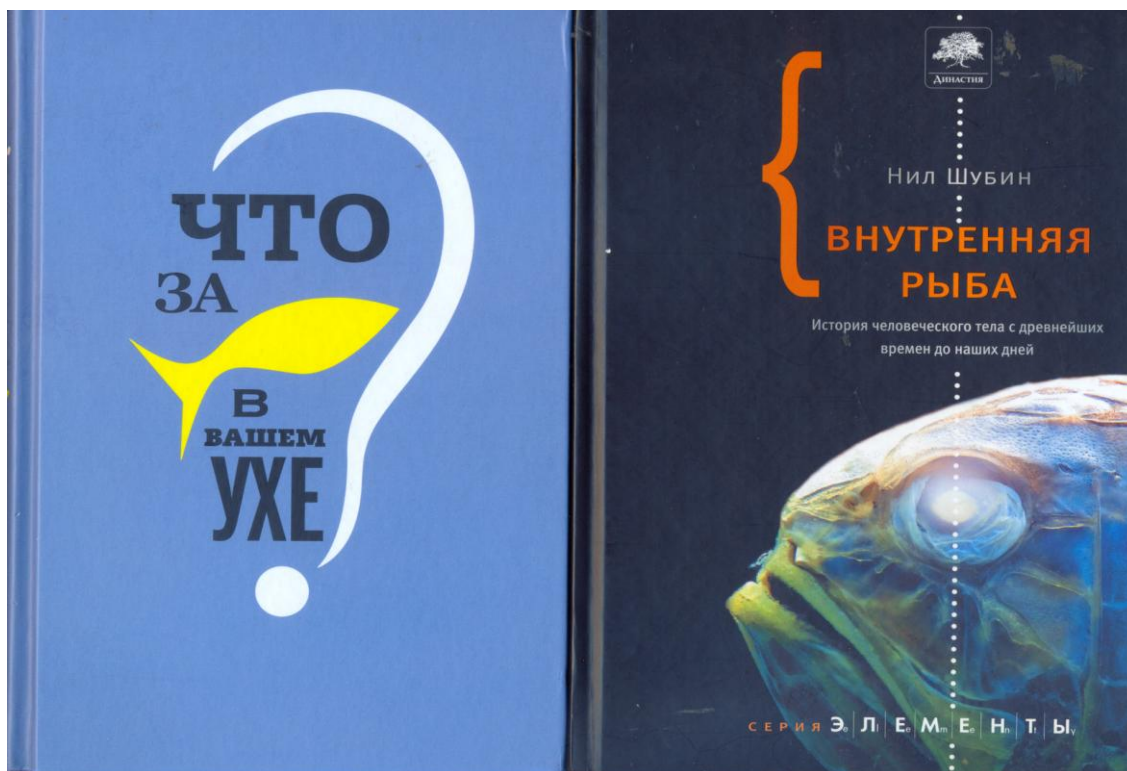
Первобытные добродетели имеют свои пределы. Лгать нельзя. Если ты обманул брата или тестя, это моментально выяснится, и ты потеряешь лицо, с тобой и дети, и придется идти (или бежать; искать прибежища) в чужом племени, а там вы навсегда неполноправные. Но если удалось обмануть сборщика податей, честь тебе и хвала, научи и нас тому же...

Хочет князь облагодетельствовать своих подданных, чтобы начало его правления навсегда всем запомнилось как праздник. Хочет он освободить их на год от сбора ясака, от сбора недоимок, от всякого рода пошлин. Вот перед ним старейшины главных, самых больших племен. И скажет он: «Идите, поведайте об этом...» а как он проверит, *что они поведали?* Иной из них, может, волю правителя скроет, пойдет и соберет подати-налоги — и в свой карман. Он сам так делал. Только его приезжали проверять проверяльщики, а он кого пошлет? К вогулам и тунгусам? А еще есть на севере народ «Ня». Занятный такой народ. Так сколько же ему держать в штате толмачей?

Народ (или государство) А граничит с государствами (племенами) В, С и D.

В и С, С и D граничат также друг с другом. В зонах контакта случаются смешанные браки, происходит меновая торговля, в стычках берут пленных и обращают в рабов — возникают, так или иначе, билингвы — носители двух языков: А+В, А+С, А+D, В+С, С+D. И небольшое число носителей трех языков: АВС, АСD (и ничего сложного в этой науке нет). Теперь допустим, что ~~Роееня~~ гос. А благоволит В, а В враждует с С и ябедничает А. Могучий сосед охотно предоставляет союзнику помощь, и племя (народ) С исчезает с карты, одновременно исчезает язык. Билингвы АС, ВС, а также CD остаются без работы, В и D отныне могут общаться только при посредстве А, что может оказаться затруднительным... Такая картина складывалась при завоевании Кавказа в XIX веке и при «освоении» Сибири гораздо раньше и продолжается по сей день.

Нет времени ждать, надо искать и воспитывать переводчиков, профессиональных толмачей, такие есть — сопровождают караваны, торгуют в лавках, меняют деньги, разбойничают в таможне. Но они нужны в аппарате правителя. Он берет под опеку вдов и сирот от смешанных браков, отвергнутых отцовским родом; селит вместе, определяет к ним какого-нибудь бобыля, ветерана, казака или солдата, русского, скота дает немного — и пусть живут. Дети легко учатся болтать на «моя по твоя», кстати, женщины тоже. Через несколько лет среди них выделятся способные, возьмем на службу, будем учить специально. Те же пленные шведы будут учить; обязать их заодно составлять словари языков самоедских, татарских, калмыкских и бурятских. Пусть Европа к нам едет, языки Гиперборейские изучать, на сохатых мамонтах ездить...

«Что за рыбка в вашем ухе», или «Наша внутренняя рыба». Почему-то название правой книги перевели неправильно: надо было «Ваша внутренняя рыба», YOUR INNER FISH. Может, затруднились выбором: «ваша» или «твоя»? Да, конечно, именно «Твоя». Левая книга — IS THAT A FISH IN YOUR EAR? — Что за рыбка в вашем ухе? — Тоже можно было написать «в твоём», и правила позволяют вариант «что у тебя за рыба в ухе» — так мог бы спросить сосед Фока соседа Демьяна. Был бы образец «переводческой глухоты», но только в русском переводе, можно заодно вспомнить «А я на выдумки лихой, возьму и выплыву сУхой» и Олега Даля.

Притом в правой книге «история нашего тела» начинается с рыб, и образование УХА в ней разбирается подробно. Потому что кто бы мы были, если бы в глубокой древности у обитателей суши из задней части нижней челюсти не образовались миниатюрные косточки, связанные между собой тонкими жилочками и с мозгом — моточком нервов? Пусть мы пожертвовали способностью раззявить пасть до пупа и заглотать живого поросенка целиком, зато мы слышим шум дождя и шаги в тумане, и грохот канонады, и музыку Баха, и тихий разговор соседей в метро, и слова, обращенные к нам друзьями и родственниками.

Слышать-то мы слышим, но не всегда понимаем!

О том и речь. Нужен переводчик. «Книга выдающегося современного переводчика и писателя, лауреата Букеровской и Гонкуровской премий» с подзаголовком «Удивительные приключения перевода» не приводит примеров типичных закавык и остроумного их разрешения, о чем так занятно читать у матерых переводчиков. Дэвид Беллос пробует на зуб основные понятия: язык, перевод, речь, слово, общение и т. д. Так что задумываешься... Занятные истории тоже рассказывает — как авторы выдавали свои произведения за переводы, и наоборот.

А «в вашем ухе» — вавилонская рыбка из «Автостопом по Галактике»: вставил в ухо и любой язык понимаешь:)

Из недавно найденного семейного документа столетней давности. Бедная девушка лет 16 едет в глухую деревню работать в школе. Знакомится с ученицами.

— Тебя как зовут? — спрашивает молодая учительница.

«Тебя как зовут» — повторяет девочка-коми.

— Меня Любовь Николаевна. А тебя?

«Меня Любовь Николаевна. А тебя...»

— Она русского не знает, — объяснила другая девочка.

Чапек в книге «Путешествия» рассказывает, как он с женой приехал в Лапландию. Местные жители выбегают смотреть на чуждых приезжих целыми семьями.

— Чапек, посмотри, какой соплячок, — жена показывает на забавного младенца.

«Чапек, посмотри, какой соплячок» — повторяет кто-то в толпе аборигенов, тут же повторяет кто-то еще, и вот уже все вокруг выкрикивают: Чапек, посмотри, какой соплячок! Чапек, посмотри, какой соплячок!

Про удивительную память и способность к воспроизведению звуков среди дописьменных народов кто только не рассказывал. Память профессиональных сказителей это что-то вообще... Кстати, шаман часто бывал и сказителем. Высокий интеллект при этом помогал сознательно подходить к изучению другого языка, что подтверждается — миссионеры обращались к шаманам за помощью в переводе нетривиальных вещей, отвлеченных понятий, часто шаманы сами становились миссионерами. На них и будет Матвей Петрович опираться при создании, как бы это назвать... института лингвистики. (Института военного перевода, в котором учились и трудились наши родственники и знакомые).

Автор замечательной книги про нашу рыбку в вашем ухе (или наоборот) вообще считает, что главная и практически первая функция ЯЗЫКА (средства общения, состоящего из набора единиц, слов) — это чтобы переводчики имели белый хлеб на черный день. При этом он совершает, на мой взгляд, странную ошибку.

«Фундаментальное различие между культурами, имеющими письменность и не имеющими ее, состоит в том, что только в первых высказывание может быть повторено. В условиях «первичной устности» язык — не что иное, как речь, а речь исчезает без следа сразу после произнесения. Как и перевод. Перевод можно проверять, оценивать, испытывать и признать достоверным, только если есть возможность возвращаться к нему».

Очень странно звучит. А «Законоговорители» в исландских сагах? А барды и скальды, хранители исторической и культурной памяти? А путевые заметки ирландцев, «от той ямы мимо холма, похожего на зайца, мимо трех пней до могилы предсказательницы...» — ориентиры, возможно, обозначали границы владений. А родословные в Илиаде... И если полностью информацией владел, скажем, бард, то его соплеменники с ней тоже хорошо были знакомы и соврать точно не дали бы. Ни один аэд не рискнул бы «переписать историю»!

Поэтому устные соглашения, особенно скрепленные клятвой при свидетелях, никуда не исчезали, и к ним всегда была «возможность возвращаться».

Как передавали донесение, например, Чингисхану? Секретарь перелагал доклад в песню на известный мотив, гонец запоминал ее, повторял, подтверждая, что запомнил точно, скакал два-три дня, меняя коней, зажмурившись, на коленях, исполнял перед адресатом и валился без сил. Могут голову отрубить, могут чином наградить.

Подданные князя Матвея, не знающие даже, что они *его* теперь подданные, а не... кстати, что значит это слово — *подданный*? — тот, кто «под данью», кто платит дань? Наверно, калька с какого-нибудь европейского языка. Дань жители Сибири платят, потому что куда денешься? Платили последним ордынцам, теперь платят русским. В остальном — вольны предаваться традиционным скрепам, примерно как в песне Кима:

Якут побьет бурята, бурят побьет коряка, (можно продолжать: коряк побьет долгана, долган побьет саама, саам побьет вогула, вогул побьет нанайца) якута юкагир копьём достанет, хо-хо! Князь Гагарин уважает ла-у-ро-вет-ланов!

(т. е. чукчей)

Да, новый Правитель уже знает, что не все как в песенке: юкагирам с якутами не справиться. Мысль его устремляется к норовистым чукчам. Ну что ж, не боги коней объезжают. Хорошо бы без кнута и без пряника — умом, умом работать надо. Оказать уважение, проявить интерес, пригласить на службу. Есть тут один казачий урядник из чюкч, старый уже человек, достойный. Послать его к родичам, а с ним попа-миссионера, и пусть все записывает, что узнает.

Кстати, пусть все миссионеры учат туземные наречия, байки их записывают. Способных, кто словарь составит и легенду запишет, всячески поощрять, а записи их в Европу отправлять, в Академию. Они оттуда и сами к нам рвутся, любопытно им, как это люди живут полгода в темноте и под снегом. Пусть приезжают, поможем, покажем. У нас секретов нет.

У нас теперь тоже секретов нет, прямо все в основном законе так и написано: бог, народ, мужчина и женщина. Все было думали, что это стёб. Все равно не верится, что они всерьёз. Смысла никакого, ничего не прибавили и не убавили, просто какая-то унылая пошлость... стыдно за себя почему-то. А какие креативные плакатики были на марше — те, которые написаны от руки! Народ, и мужчины и женщины, среднестатистические, ей-пра, умнее.

Начинать армию, конечно, следует с якутов. С кавалерии. Из них и молодых казаков собрать ударный полк, а когда станут настоящей дружиной, добавлять понемногу казахов, бурят, уйгуров. Как у Чингизхана: показал себя классным бойцом и не погиб — получай десятку, гоняй их на корде, пока не станут как один.

Коней хороших, породистых, отбирать на племя, завод создавать.

И всё сразу! Сейчас самые надежные, самые доверенные солдаты и казаки заняты важным и опасным даже делом. Гагарин обещал желающим вернуться в Россию безопасный и благополучный выезд со чады, домочадцы и пожитками. Теперь представьте санный караван какого-нб Стародума, *честно* нажившего в Нерчинске капитал стоимостью в два-три скромных имения под Тулой! Со всеми шубами! И таких *бескорыстных* десятки богачей, а слухом земля полнится, а уж тайга точно, и отважные ханты и манси, с верным луком, полным колчаном стрел и пальмой (это длинный нож на средней длины рукоятке, копье, сабля, секира одновременно) подбираются по двое-трое к тракту, строят шалаши-засидки... Того гляди сгинет Стародум, как и не было его, в снегу растворится

Это какой же добродетелью надо обладать воину, какой верностью и честью, чтобы стрелять в безобидного вогула или калмыка, который тебе-то ничего плохого не сделал, а не в купца или чиновника, который годами тут сало наедал, пока ты одни шрамы зарабатывал и товарищей терял!

Князь решает с небольшим отрядом проследовать тем же путем. Потом свернет к заводам, к Демидовым. Узнает, как они там с пермью ладят, с коми. Народ упертый, как мордва...

Пальма — серьезное оружие, если лет с четырёх фехтовать деревянной игрушкой, с братьями. А потом, подростком, со старшим братом, дядей и отцом совершать вылазку в ближнее стойбище. Или отбиваться от вылазки со стороны того стойбища. Для этого нужны уши зайца, чтобы слышали из-под шапки, и глаз на затылке, и уметь отбиваться во все стороны, пока не повезет увернуться, уйти в ствол, в бугор, в поток, серым волком по земли...

Как из них армию собрать?

Можно попробовать построить в две шеренги. Они, может, и построятся — как на празднике, в хоровод. А дальше что? Наступать сомкнутым строем? Когда царь соберется и пошлёт-таки регулярную армию на штурм мятежного Тобольска?

Тобольский кремль не предназначен для обороны против регулярной армии с пушками, тем более силами отряда вольных стрелков из разных кочевых племен. Он строился, наоборот, с тем расчетом, что небольшой гарнизон сможет в нем сопротивляться ордам кочевников, достаточно долго, чтобы ветер переменился и призвал орды в очередную перекочевку.

Как откликнутся гарнизоны Тобольска, Омска, Иркутска на отважную выходку Гагарина? Что, если все размещенные в Сибири воинские части объявят себя верными присяге?.. Вот сейчас и выяснится, есть ли будущее у грандиозной затеи. Если избравшие Петровскую империю смогут, как обещано, безопасно туда вернуться, значит, князь Матвей действительно хозяин своего слова, а заодно огромной территории, северной половины материка — Азии.

Порядок пока сохраняется. Отбывающие сибирские «набобы» стараются примкнуть к ежегодному каравану из Китая. Караван охраняется воинскими командами, казаками, и нанятыми отрядами местных молодцов, собственно бандами, которым платят не то жалование, не то выкуп. Те, кто хочет воспользоваться этими видами защиты, должен внести свою плату; опоздавшие сбиваются в товарищества и вскладчину нанимают тех же казаков и якутов. Это все понимают, это привычно, но при смене власти — кто знает? Сдержат ли небольшие отряды хлынувших из тайги на жирную добычу соотечественников? Да не набросятся ли они сами на незащищенных богачей, пока что-то еще не дограблено?

Потому и рыщет правитель с дружиной преданных казаков вдоль тракта, углубляясь в горные леса, навещая ненадежные племена, сваливаясь как снег на голову (часто с настоящими снежными обвалами) на потерявшиеся от страха обозы... Пока никаких страшных историй не было. Охрана честно отработывает обещанный гонорар. Там, где обоз сопровождают якуты, на голову не свалишься, у них и разведка работает, и Гагарина с казаками встречают луки с наложенными стрелами. Дюжина бойцов на косматых коняшках смотрит высокомерно: высылай хоть полк солдат, посмотрим, кто кого...

Про якутских рыцарей в дзене целый материал. Мечта реконструктора! Воинская аристократия, самураи! (тоже, как чукчи). Профессионалы высшего класса, непобедимые и неистребимые, притом могут не есть не спать месяцами вместе с коняшками. Отчасти как у казахов, только у тех вроде бы больше единства и какой-то намек на верховную власть (у казахов), а впрочем, может и кажется. Но типичное классовое расслоение: воинская аристократия и черный народ, у казахов — *импрам*, у якутов — *хара*. Но у тех и у других из «народной гущи» возникают иногда самые прославленные богатыри, вроде Ильи Муромца.

Шаманы не принадлежат к знати, а вот кузнецы могут! Кузнец человек уважаемый... Но не богатыри, не кузнецы прославили свой народ, а шаманы, оуюны. Кузнец — соучастник творения, завершитель и продолжатель.

Владыки айыы поселили там
Великого кузнеца
По имени Куэттээни,
Чтобы он ковал, мастерил
Тридцати пяти племенам
Боевое оружие, ратный доспех,
Копья, секиры, мечи
С закаленным стальным лезвием;

На кургане сверкающе-ледяном
О железных трех поясах,
Огнем подземных глубин
Полыхает горнило его.
Будто рослую, добрых статей
Кобылицу на третьем году —
Бедненькую – веда в поводу
В преисподнюю – в темный мир,
Где господствуют восемь свирепых родов,
Повалили вдруг на ходу —
И всадили ей острый нож,
И пустили хлынью алую кровь
На блестяще белый снежок, —
Так горит, полыхает алым огнем
Горнило великого кузнеца.

Будто грузно развалистого на ходу
Пороза, шестилетка-быка,
С железным кольцом в носу,
Хватили обухом в широкий лоб —
И с протяжным мычанием, у столба
На колени падает бык, —

Вот такая огромная в кузне той
Звонкая наковальня стоит.

Из широких ворсистых шкур
Сорока четырех жеребцов —
Шумно, не умолкая, гудит
Огромный кузнечный мех.
Черный молот великого кузнеца
Неумолчно кует, гремит.
Пронзительно резко визжат
Кривые клещи его.
Неистово скрежещет, шипит
Быстрый напильник его.

.....
Есть жена-хозяйка у кузнеца, —
Честь ей от всех и почет;
Отважная духом – зовется она
Уот Кындыалана;
А сам великий кузнец —
С тяжелым дыханием исполин,
Сильный волей,
Нравом крутой.

Вот такого богатыря,
Говоря ему: — Корнем будь
Рода грозного ковачей! —
Поселили на круче горы,
В клокочущем огневом жерле,
В средоточии бедственной, горевой,
Средней серопятнистой земли.

А якуты красавцы, да? Только с кем они? На чьей стороне?

С ними получилось, как с народами Кавказа, с черкесами, например. Поделили на «мирных» и «немирных», всё это нам хорошо известно от великих писателей. С мирными до времени то лаской, то таской, а немирных истребляли. Как Пушкин о Ермолове: «Твой ход, как черная зараза, Губил, ничтожил племена». Разница только в том, что кавказцы, будучи мусульманами, водки не пили и сохранили до сих пор какую-то часть племенного гонора, национальной идентичности. А Сибирь...

Как-то в семидесятых в археологической экспедиции на Дону работал физик, аспирант, любимый ученик одного из светил ФИАНа, сам наверно давно уже светило. Приехал с женой и двумя сыновьями, подростками. На диво глупый человек. Он смотрел на солнце, сыновей заставлял и всех пытался приучить. Надо было сначала привыкнуть смотреть на небо рядом с солнцем на восходе и закате, постепенно подвигаться все ближе и потом не отрываясь глядеть на солнце в зените. Зрачок привыкал все больше сужаться, потом мгновенно сжиматься в точку — только зачем это нужно, и не опасно ли, если усердствовать? Он говорил, развивает остроту зрения. И все ел без соли. Ему отливали суп и откладывали кашу, прежде чем посолить. Соль, дескать, ослабляет зрение. У чукчей до прихода русских было идеальное зрение. (Известная байка про очередного Палласа: объясняя, зачем нужен телескоп, он указал чукче на Юпитер. «В эту трубу, — сказал он, — я вижу около этой звезды маленькие звездочки». — Ну да, сказал охотник, иногда их три, иногда четыре).

Про водку и туберкулез физик почему-то забыл.

Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! А.С.Пушкин.

Борьба богов и титанов, титаномахия, как помнили предки якутов, «светлые племена айыы»:

С боевыми жилами — что не порвешь,	В бесполезной борьбе распалась,
С кровью, что не прольешь,	Как железо в огне, раскалась,
С телами — что сталью пронзить нельзя,	То и дело стали они
С костяками — что сокрушить нельзя,	В ледяное море нырять.
Дыханьем могучим наделены,	И всплывая из глубины,
Бессмертьем одарены,	Журча и сопя,
Три великих рода в извечной вражде	Дымясь и курясь,
Сто веков сраженья вели;	Садилась на каменном берегу
Одолеть друг друга они не могли,	Дух немного перевести,
Сильные — изнемогли.	Поостыть на холодном ветру...

Что здесь — талант переводчика, Владимира Державина? Мощь оригинала, и плотность, телесность, натурализм — с полной серьезностью, т. е. с иронией, полной уважения. Не говоря про дистанцию огромного размера.

Гумилев (Лев) — в каком же это труде? «Хунну в Китае» или «Древние тюрки» — сокрушается, что неукротимые бойцы не образовали степной империи, не создали своей культуры, философии, не создали поэмы «патетичнее Илиады». Как не создали? Вот же она. Куда уж патетичней! Державин точно превзошел Гнедича, тот только одну Илиаду и перевел, а Державин еще много чего: «Раушан», «Давид Сасунский», «Лачплесис»... Какой разброс на карте языков! Он перевел еще «Сказание о Рустаме», лучшую часть Шах-Намэ. И Хаяма переводил, и армянскую поэзию. Остальные мифы и легенды перевел Липкин (шутка)

Какое счастье быть носителем шумерского языка межнационального общения!

Шумерский взялся из «рыбки в ухе»: в ассирийскую эпоху торговые центры, города и базары общались на этом уже мертвом языке, на него переводили и его же письменность переняли. Письменность, возникшую именно в городах на перекрестке караванных путей.

Чуть ли еще не на нашей памяти эту роль удерживала латынь, тоже мертвая, а для живых латинян престижным и общим языком культуры был греческий, когда сами греки уже «пришли в упадок». Вот уж точно на нашей памяти языком науки был немецкий. Нынешний всеобщий язык можно и не называть, он-то живее всех живых, что может создать ложное впечатление: кто сильнее в экономике и военной силе, тот и диктует — *на своем языке*. Вот и мы когда-то диктовали... Но, шепчет в ухо вавилонская рыбка, хотя «язык — это диалект, наделенный армией и флотом», численность, тоннаж и калибры решают все-таки не все. В книге приводятся таблицы, любопытные, с какого на какой язык чаще переводят. Доминирует английский, русский скромно курит в углу, а китайский, на котором говорит *четверть населения планеты!* — в рейтинге отсутствует...

Империализм не всемогущ, но в этом смысле мог все-таки многое. Когда-то, скажем, для венгра существенно было, что его роман выйдет в журнале «Иностранная литература», и теперь не откажется, но смотрит тоже в ту сторону. А все-таки! Как приятно, что невольные и разноязычные подданные наших правителей (порой косноязычных) могут читать друг у друга заветное, «Калевипоэг», «Алпамыш», «Джангар»... и тунгус, и сын степей калмык, и ныне дикой, и гордый внук славян (это кто? поляк, что ли?) — а почему бы нет? Польский фольклорист изучает Кыз-Жибек, а тем временем Мухтар Ауэзов и Чингиз Айтматов читают «Дзяды» или... Или Галчинского: *Верить мне не неволю, Но лжи здесь нету ни грамма: Шесть слов, и не боле, Имела та телеграмма...*

Гагарин едет по заснеженной тайге, в гору и под гору, рысью и вскачь. Любуется на свою дикую сотню: чучела в косматых шубах, и кони у них косматые как медведи. Вьезжает на гребень, умный старый его вороной Цезарь осторожно ступает, спускаясь в распадок, пробует скалу копытом — а те с визгом посыпались вниз, словно мальчишки на санках, быстрее и быстрее... этот сейчас через голову с конем кувырнется, эти двое столкнутся... как бы не так. Скачут наперегонки, на узкую речку, еще не видную за кустами — вот, ломая кусты, вылетают на лед. Вороной чуть не на круп садится, не сорваться бы...

Молодцы рвутся вперед. Впереди — крепость, острог, комендантом ее был злейший ненавистник губернатора, интриговал, кляузы писал царю, составлял заговоры. Конечно, он отбыл в Московию, собрав детей, клеветов и немалые свои богатства. Но не все же он мог захватить и погрузить, много чего наверняка осталось, хоть бы скотина покалеченная, лошади, олени, коровы... из рухляди — упряжи, шуб, ковров, меха... посуды... не на одну сотню хватит!

По пути попадались брошенные чумы, сломанные нарты, следы копыт. Кто-то спешил убежать, совсем недавно, прямо сегодня. Да уж, разгром они сейчас увидят — именье у коменданта, отставного капитана, было обширное. Угодья, службы, амбары, дворы, поселенья. Кузница была знаменитая, в армию поставлял.

Кузницу они и увидели первую, свернув за мыс. Услышали голоса и грохот, людей увидели — ходят туда-сюда, дым идет. Дальше вмерзшая в лёд пристань, лодки под навесами. Дальше постройки, ограды для скота, избы, за ними крепостная стена с башнями, за стеной церковь, на башнях дозорные, ворота открыты широко. Выходит из них толпа — солдаты и казаки с оружием по всей форме, женщины нарядные, мужики чисто одетые, впереди поп с крестом и сам комендант — в мундире, в регалиях с непокрытой головой. Хромает.

Гагарин сходит с коня, повод отдает адъютанту.

— Отруби мне голову, князь, твое сиятельство, — говорит старый вояка. — Все правда, что тебе доносили, и больше того. Я не только царю на тебя писал, я китайцам писал, к киргизам, калмыкам посылал. Шведов подбивал, обещал домой отправить. Вогулов мутил. Убийц к тебе подсылал. Заговоры составлял, ревизоров царских подкупал...

— Я им больше платил, — говорит князь. — Что ж не ушел со всеми?

— Казни меня, Матвей Петрович, я твой враг был, — кается комендант, а у самого слезы. — Сыновей в солдаты отдай, все именье себе возьми. Не разорь только этого, хорошая жизнь тут заведена, пусть и остается как есть. Кузня тут, смолокурня, мельницы, кожевенный завод, лесопильный, лодочная верфь. Сколько народу при деле, сколько к хорошему ремеслу приставлены! Дочь моя за шведом, механиком, школа у них, самоедских детишек учат по-русски и по-немецки. Сколько сирот мы довольствуем, теперь уж знают, сами к нам отправляют, и мы всех в люди выведем. Не погуби, князь, малых сих! Одного скота у нас тысячи, коней готовим для армейского ремонта, у казахов меняем, шорники свои, упряжь...

— Школа, — задумчиво произносит Матвей Петрович. — Я только задумал, а у тебя тут готовое. Самоеды, тунгусы беспокоят?

— Кто же решится на крепость пойти. Даже на пастухов не дерзают, знают, чей скот. Нам и казаков для охраны не надо, молодцы наши — каждый воин...

— Старое — забудем, — решает правитель. — Все начнем заново. Дело твое мне нравится. Обратно поеду, заверну, посмотрю. Пока у тебя двоих казаков оставлю, ослабели в дороге, пусть отдохнут. Оба — сотские, люди почтенные. Будет у вас время для разговоров. А вот это ни к чему, на колени не надо, ногу увечную побереги...

Календарь. Месяц Март.

—Уж... уж раз простили, ваше сиятельство... так пожалуйста... не побрезгайте нашим угощением...

Князь оглядывается на свой эскорт. Молодцы, все настороже: разъехались по площади, весь народ у них в кольце, копьё в руке. Им бы сейчас на каждый десяток по котлу с горячим мясом. Сколько часов уже в седле, по камням, льду и снегу? А ужин у них будет — копченое мясо, на тех же камнях, в том же снегу.

— Нет, Игнат, — решает Гагарин. — Не время еще за столом беседовать. Ты небось повинную голову нести собирался, а сам скотину резал? Весь город жареным пахнет.

— Голова — головой, а воинов кормить надо, — отвечает старый капитан не совсем твердым голосом. Мог ли он быть уверен в пощаде? С какой стати? И теперь, как отпустило — только бы не разрыдаться, как бабе. — Хотя бы хлеб-соль дозволейте поднести, Матвей Петрович...

— Пожалуй... что за красавица! кто ж она?

— Жена моя. Взял, как овдовел. Якутка она, княжеского рода, тойон отец у нее...

Странное что-то увидел князь Матвей, глядя в полные слез, бледные голубые глаза старого воина, хромого коменданта. Будто сидит его дружина, команда, у костров, у котлов, ест, веселится... а он выходит на крыльцо богатой избы с новым своим другом — а они все лежат на земле и не шевелятся...

Интриган никому на свете не верит, а ведь бывало и такое...

Едет Гагарин со своими верными косматыми всадниками, живыми и голодными, по таежным увалам, по речному льду, по исхоженному тракту. Обгоняет караван, пропускает, следует между обозами, иногда подбирает отставших, потерявшихся, больных — пристраивает их в придорожное жилье... Едут они теперь в пределах народов самодийских: кругом тайга, а в ней кеты, селькупы, ненцы. Еще ближе к Уралу — обско-угорские ханты и манси, их теснят коми, а тех — русские. Не так давно царь Петр приказал «идолы их огнем палить и рубить и капища их разорить», и на этом не задерживаться, а ехать «во всю землю вогульскую и остяцкую и во все их уезды, и в татары, и в тунгусы, и в якуты, и в волостях их кумиры и кумирницы пожечь». А дикие племена крестить без всякого снисхождения! Видно в начале, на Оби, цивилизаторы особенно свирепствовали, потому и прятали туземцы своих идолов и свои обычаи подальше, и сами прятались. Но так быстро и тайно мчался по лесам отряд Гагарина, что врасплох захватил главную их усладу — «Медвежий праздник». Что оставалось делать? Приняли их, как почетных гостей...

«Последнюю песню медвежьего игрища» поет мансийский поэт Юван Шесталов.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

В священном углу человеческого дома
посадили меня, медведя!

В гнезде из мягкого сукна и тонкого шелка
я, лесной дух, сажу!

Бесконечную юношескую удаль мне показывают!

Вечным девичьим весельем меня веселят!

Бездонные чаши с озерными яствами
передо мной ставят.

И руками белыми, как вода Оби,
глядят мою шерсть.

Девушки кружатся в плавном танце,
Как ветви деревьев качаются.

Юноши скачут, как будто волны,
резвыми волками пляшут.

Смотрю на бесконечную юношескую удаль — и забываюсь.

Дивлюсь вечным девичьим весельем — и забываюсь.

Нить золотого ума роняю где-то в воду.

И тело свое звериное

Роняю где-то в тайге.

И весь я превращаюсь в Дух,

В Добрый дух тайги!

Где? Сам не знаю!

В этот миг люди зажигают в доме костер,

Поленья из лиственницы загораются жарким пламенем.

И в свете пламени вижу: проскользнул какой-то зверек.

Кто это был? Не разобрал!

И опять где-то роняю нить золотого ума. Забываюсь...

К сожалению, ханты и манси вкупе с нанайцами не создали сказания размером с толстую книгу, чтобы поставить ее на полку между Калевалой и Джангаром, и не нашлось им в иллюстраторы ни Фаворского, ни Филонова... Может быть не были они воинственны, и не воспевали ночами напролет героических богатырей, о которых приятнее всего людям читать и слушать? Хорошо, что в 1972 году мы не прошли в книжном магазине мимо детской на вид книги Ювана Шесталова «Сказки таежного игрища». Потому что тогда было принято увлекаться сказками, и у нас была его же книга, совсем для малышей, «По воде шуба плывет». Очень писатель извиняется, оговаривается: «Если в этой книге много богов и духов — не удивляйтесь: они играют лишь жизнь людей. В мифах и сказках отразился мир человеческих отношений». Вот и Лев Толстой кстати пришелся: «И недавно прочел рассказ у дикого народа вогулов... один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают — один самку оленя, другой детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах...» Матерый человечище.

Продолжение.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

...где-то роняю нить золотого ума. Забываюсь...

А бесконечная юношеская удаль не гаснет четыре ночи.

Так велел им мой Отец небесный!

А вечным девичьим весельем льется пять ночей.

Так начертал им мой Отец небесный.

Ласкают слух мой музыкой, игрой веселой развлекают.

А между тем в священное платье меня наряжают,
рядом с крылатыми духами садят.

Если великим духом меня назначают -
золотые деньги рядом со мной звенят.

Если маленьким духом меня называют -
малая мелочь медным звоном звенит.

И вся деревня, полная юношами и девушками,
собирается в доме, где сижу я в счастье шелка яркого.

Вдруг в углу дома зазвенел голос
какого-то голосистого зверька.

Никто не понял, что это за зверек.

В другом темном углу тоже зазвенел чей-то голос.

Его тоже никто не разобрал.

Старики и говорят:

«Это что за голосистый зверек? Такого хорошего
зверя с таким чудным голосом мы еще не слыхивали!»

В третьем углу что-то зашумело.

«Чей такой звучный голосок? - удивляются старики. -
Глазами мы такого зверя не видели. Да, ладно!

На будущий год, если случится подобное счастье,
тогда, может, и пойдем, разгадаем тайну!»

И опять где-то роняю золотую нить сознания.

Куда я делся? Не знаю!

И людей я потерял из виду.

И угол свой, где познал я счастье красного сукна, потерял...

«В стенах крепости мировой литературы по разным причинам удалось сделать пробоины датчанам, норвежцам, шведам, полякам, чехам, румынам, венграм, финнам и эстонцам. Иногда за эти стены удавалось проникнуть и представителям таких народов, которые, не доходя до уровня образования государства, уже подошли к грани вымирания, например, мансийцу Шесталову...»

Венгерский писатель Петер Домокош.

«Ведь и манси — частица человечества. А может быть, чудом сохранившаяся ее древняя частица. Многие помнят манси. И счет времени ведут со «священного потопа» — с великого оледенения, которое было 40-50 тысяч лет тому назад». *Юван Шесталов.*

Брешь в стене он пробил самым действенным способом (см. «Рыбку в вашем ухе» — золотую!): он писал по-русски. Наверно, русскую литературу на мансийский тоже переводил.

«Живут старуха со стариком. Кругом вода, вода, вода... На зыбких волнах моря колышется и жаркое солнце, и ледяная луна, и маленький их домик (*это не пересказ Пушкина, это наверно прототип, первый вариант — интересно, у коренных народов Америки это предание есть?*).

Старик со старухой начали уж было глохнуть от безмолчного плеска волн. Но вдруг до их ушей, позаросших травкой, долетели неведомые звуки. Глаза старца устремились за дверь. И видит старый: сверху летит железная гагара». Гагара достала откуда-то кусочек земли, а земля разрослась во всю ширь...

А это уже Хлебников, эзотерик:

«Море. В него спускается золотой от огня берег. По небу пролетают два духа в белых плащах, но с косыми монгольскими глазами...

Три солнца стоят на небе — стражи первых дней земли. В верхнем углу площадки, по закону складней, виден праздник медведя. Большой черный медведь сидит на цепи... Вокруг него, потрясая копытами, сначала пляшут и молятся ему, а потом с звуком бубен и плясками съедают его».

Медвежий культ старше человечества, ему предавались уже неандертальцы. Они всех пещерных медведей и съели, нам не оставили..

...Вдруг чувствую: оказывается, валяюсь возле дома.

И стал я, оказывается, величиною с мышшь...

Носик у меня маленький-маленький.

Ушки мои маленькие-маленькие.

Стоят уши торчком, вслушиваясь в мир, и слышат:

в доме том ребятишки таежные про меня песни поют, сказки сказывают...

Слышу я это, и звериное сердце мое вздрагивает, наполняется нежностью...

Забывается князь Матвей Петрович... теряет золотую нить своего ума...

Который час он сидит на втором председательском месте, как Винни-Пух. На первом председательском месте сидит охотник, который «привел» на человеческий праздник Лесного духа. На «священном столе», на красной скатерти, среди дорогого сукна и шелка, «сидит» Медвежья голова, дорогой гость, древний посланник неба. Против охотника сидит шаман Потёпка...

Бедный Юван Шесталов, как он извиняется, как объясняет, что шаман мол теперь не шаман, а так, артист, просто песни и старины лучше всех помнит! Книгу он писал в 60-х, все еще помнили, как надо писать о трудящихся тайги и шаманах-богатеях-мракобесах... а он может у этого Потёпки учиться! Объясняет: мол, это может последний медвежий праздник на свете, потому и надо все записать для будущих ученых. Кто же знал, что не так много времени пройдет, и «медвежьи игрища» станут главной приманкой туристов со всего мира! А книги про шаманов будут издавать под видом эзотерики, в серии «Священный Космос» — притом серьезные, ценнейшие исследования известных ученых, с документальными фото из музеев.

Поют, рассказывают на празднике историю дорогого гостя, сына бога Вселенной, Нуми-Торума. Как захотел он на Среднюю Землю, к людям, и что из этого вышло...

...Слышу я это, и звериное сердце мое вздрагивает, наполняется нежностью...

а с левого глаза роняю слезу,
с правого глаза роняю слезу.

На вторую ночь я доползаю до дорожки,
по которой женщины носят домой снег.
Оказывается, стал я величиной с белого горноста.

Ушки мои, стоящие торчком, слышат:
деревенские мальчишки меня славят,
деревенские девочки про меня песни поют.

И сердце мое звериное опять от счастья трепещет,
левый глаз мой роняет прозрачную слезу,
правый глаз мой роняет светлую слезу.

На третью ночь, на третий вечер
оказываюсь на узкой тропе охотника,
по которой он за белками ходит.

А вырос я уже величиной с росомахи.
Шагами росомахи взад-вперед прохаживаюсь,

а уши мои слышат: в деревне большой
сыновья охотников меня прославляют,
дочери охотников меня величают.

Левый глаз мой роняет светлую слезу,
правый глаз мой роняет счастливую слезу.

Настал завтра хороший, божественный день,
Оказывается, я уже превратился в священного зверя,
Хозяина тайги — медведя превратился.

Нашел ветвистую березу, на которой жируют глухари.

Снял с этой березы мягкую бересту

И сделал кузов с причудливыми узорами.

Кузов получился большой: на всю спину медвежью.

Человеческие дети мои дарили мне озерную пищу, речные яства.

Кладу я это счастье в кузов берестяной...

Ах, какое это печальное кино! Какая печальная сказка!

Он идет к людям, к родичам (мы с вами одной крови...).

Иногда он предок, родоначальник людей. Хотя бы некоторых племен. В этой сказке-песне он сын Нуми-Торума, отца богов и людей, вырос на небе, на соболиных шкурках, но соскучился и захотел на яркую цветную землю.

И пошел к людям, к своим... и люди его приняли. Ох, как они его приняли!

Человеческие дети осчастливили меня подарками

из яркого шелка, дорогого сукна.

Все это в кузов берестяной кладу я.

Не забываю положить и серебряные монеты,

золотые серьги, сияющие бусы...

Гагарин тоже положил в кузов — богато положил: горсть серебра, золотых несколько и перстень с камнями. И адъютант сыпанул монет, и снял с шеи белый шелковый шарф. Одарили лесного гостя. А потом, через два дня, обглоданные дочиста кости, ребра обмотали лыком и примотали к стволу молодой черемухи — как скелет. Уложили в короб из бересты, отнесли в лес, в избушку на курьей ножке — возрождайся, возвращайся! Всегда рады!

И большущий кузов берестяной поднимаю на спину
и иду к истокам таежной речки.

Прихожу я в чащу лесную, где живут Менквы...

Они встречают меня пронзительным свистом,
смехом язвительным встречают и говорят:
«К людям спускавшись, друг наш идет!»
Сами между собой и посмеиваются:
«Смотрите-ка, смотрите!
Скелет идет! Люди в костях его копались,
в мясе его ковырялись. Ть-фу!»

.....

Услышал я это. И сердце мое звериное
будто проткнули острой елью,
копьем из лиственницы будто пронзили.
И разбежались мысли мои: кто в воду, кто в лес.
Успокоился я лишь у священного костра,
разожженного человеком, чтобы принести жертвы духам.
Жертвенный котел вешаю на огонь.
На жертвенные чаши выкладываю озерные яства,
Дорогие подарки из кузова вытаскиваю.
На веточки священных деревьев развешиваю монеты, серьги, бусы,
тряпки жертвенные развешиваю.
Удивляются Менквы, духи удивляются:
не было у них таких богатств и признания людей!
Не было у них такой славы, таких гимнов люди им никогда не пели!
Иду дальше. К истоку таежной реки иду.
В верховье этой речки, в лесной чаще,
в неведомом углу, стоит святая избушка.
На одной ножке она стоит.
Злым зверям к ней не добраться,
не разорить ее никому.
Лишь верующий таежник дорогу к ней знает.
Подхожу к священной избушке, и меня
опять освистывают, опять осмеивают.
Сыновья духов-богатырей надо мной смеются,
дочери духов-героинь надо мной смеются.
Говорят: «Смотрите! «К людям спускавшись, наш друг идет!»
Люди в костях его копались,
в мясе его ковырялись. Ть-фу!»
Смеются они смехом, от которого больно моей спине, будто секут ее.
Смеются они смехом, от которого больно плечам, будто кто-то сидит на них.
И свой ум умного зверя роняю где-то в лесу.
И свою душу задушевного зверя теряю где-то в воде.
И лишь у костра священного, который разожгли мои друзья — люди,
мне становится тепло и спокойно.
Они жгут в честь меня золотой огонь.
Я теперь не боюсь огня: я уже не медведь-зверь,
я уже медведь-дух.
Золотой огонь — бог, и я — бог.
Вот жертвенный котел кипит.
Над паром кружатся голодные духи.
Я не кружусь. Я сыт. Спокойно сижу у огня
и жду свою божественную долю.

А доля моя велика!
 Раскрываю кузов свой медвежий.
 И выкладываю речные яства, озерные яства,
 которыми меня одарили мои сыновья — люди.
 И в священные чаши накладываю яства,
 приглашаю всех великих духов отведать яства, посмотреть подарки.
 В чаши серебряные кладу серебряные монеты,
 в чаши золотые золото кладу.
 Кольца дарю духам, серьги развешиваю на красивые уши богинь.
 На жертвенные сучья набрасываю шелковые шали,
 на жертвенные ветви деревьев сукна тонкие бросаю.
 И дивятся боги, не смеются боги:
 такой славы и признанья они от людей не знают!
 И я — Великий дух тайги — оставляю их, ничтожных!
 Набрасываю на спину свой тяжелый кузов и иду дальше!
 Долго ли, коротко шел,
 наконец открываю золотые двери золотого отцовского дома.
 Отец мой, Нуми-Торум в собольей шубе
 сидит на своем священном троне.
 На кончик его собольего колена я сажусь.
 Отец мой говорит: «Сын мой! Ты к людям спускался?
 Как там люди?!»
 Я снимаю со спины своей берестяной кузов,
 Сыновья отца, дочери отца гурьбой окружают меня,
 Кому дарю солнечный шелк, кому сукно огненное,
 кому соболя черного, кому песца белого...
 Отец спрашивает: «Ты спускался к людям? Как они встречали тебя?»
 — В дом с четырьмя углами ввели меня,
 На священный стол в священном углу посадили.
 Развлекали вечным девичьим весельем,
 показывали мне вечную юношескую удаль.
 Осчастливили меня вкусными яствами озер и рек.
 В гнезде из тонкого сукна и шелка лелеяли меня.
 Не огонь плясал — а люди. Вот какие у них танцы!
 Не ручей журчал, не ветер выл — а люди пели. Вот какие у них песни!
 И в этот момент нить золотого ума уронил где-то в воду,
 И тело свое звериное уронил где-то в тайге.

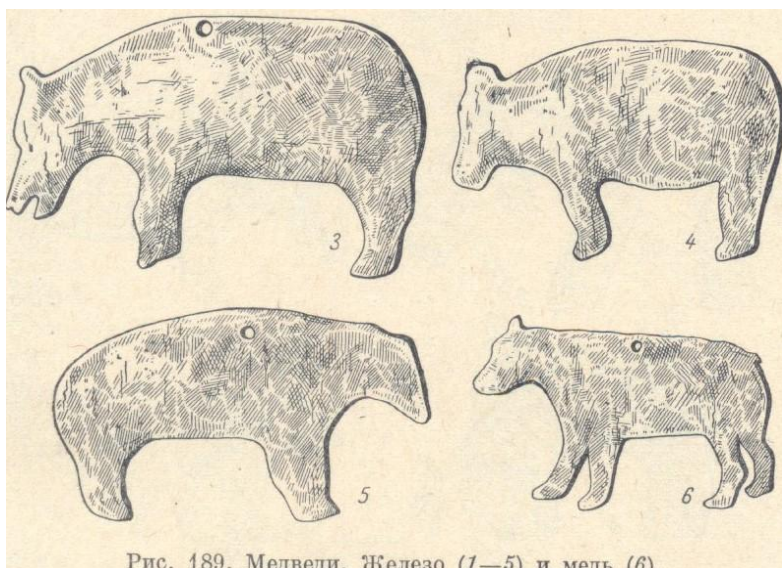

Рис. 189. Медведи. Железо (1—5) и мель (6).

«Отец мой! Настанет новая эра,
когда кончится время таежного человека,
я разожгу костер из лиственниц и елей
и брошу виновников в огонь!
— Сын мой! — говорит бог. — За то, что они плясали
голыми руками, без рукавичек с узорами, за то,
что наряжались они в лохматого зверя, не надо разжигать огонь!
Это я их придумал такими веселыми и глупыми!
За это не имей ты на людей злой мысли, недоброй думы!»

Совсем иначе звучит сказание, не то что громокипящие всплески Нюргуна, выбросы из первозданной бездны, из магмы... Жалобно, медитативно, ласково, трогательно поется под струнную музыку. Такой есть у манси музыкальный инструмент, называется «журавль». Обидно медведю, а сам виноват: пока шел к людям, чего-то наломал, столбы повалил какие-то — а это их идола были. Что делать, люди всегда причину найдут.

У родственного племени *кетов* был похожий случай: медведь девушку украл. Он не совсем был медведь, его отец тоже женщину взял, по добру, уговором. А Кайгусь не захотел ждать, подкрался и унес, когда она шла за водой. Она отбивалась, царапалась... люди побежали догонять. Впереди отец девушки, с копьем. А Кайгусь хотел по-хорошему, он выкуп припас. Бежит и бросает шкурки: песца, соболя, росомахи... последнюю бурундучью. Возьмут — значит, договорились. Соседи уж говорят разгневанному родителю: возьми выкуп, видишь, какой он щедрый. Что ж такого, многие медведи у нас девушек берут. А старик бежит, пыхтит, выставив копые. Кайгусь остановился, велел девушке спрятаться, встал на задние лапы: что вы, люди! Я сам почти человек... А старик ему — копые в сердце...

Дальше, как положено, пир горой. Девушка хоть и отбивалась, а теперь плакала. Кусочка мяса в рот не взяла.

Историю, как «в совхозе Красный рассвет, в Кемеровской области, медведь жил с женщиной», слышала в 58, в другом совхозе, под Целиноградом.

Опять из Ю.Шесталова.

«Они жгут в честь меня золотой огонь.
Я теперь не боюсь огня: я уже не медведь-зверь, я уже медведь-дух.
Золотой огонь — бог, и я — бог.
Вот жертвенный котел кипит.
Над паром кружатся голодные духи.
Я не кружусь. Я сыт. Спокойно сажу у огня
и жду свою божественную долю».

Снова забывается князь Гагарин, сыт, ничего уже не ждет, только бы скорей можно было ехать дальше. Дела у него не сказочные. Вот и последние слова говорит шаман, прощальные слова: «Перед тобою руки наши извивались, играя прекрасную игру. Перед тобою летали наши ноги, играя веселую игру. Ты смотрел и улыбался, прозревал с каждым танцем, с каждой песней. Перед тобою вставала наша таежная, нелегкая жизнь. Жизнь семи веков была тебе понятна, жизнь ста веков и до Великого потопа была тебе еще понятней! О ней у тебя сложилась дума. Спасибо, что ты нас посетил. Спасибо, что дал нам недели веселья, ночи дум. Мы словно тоже чуть прозрели, стали моложе и древнее! Спасибо! Мы на твои медвежьи лапы насмотрелись. Они спокойно так лежали. Сильными снова, как века назад, чувствовали себя. Пумасипа! Много раз спасибо!»

Можно я вот тут прилягу, в сны цветные загляну?

Матвей Петрович дремлет в санях, мчат его по наезженному тракту косматые злые лошадки. По-нашему сказать, на затянувшемся торжестве князь прибалдел. Если сутками слушать пение на неизвестном языке, звуки струн — кен-кеным, топ и хлоп... покажется, что начал понимать. Стал моложе и древнее... может, татарин в подсознании проснулся, может прародительница гагара на гнезде встрепенулась...

Если сутками перед тобой девушки белочками скачут, птичками щебечут, ящерками извиваются, девушки и в полудреме не успокоятся. Только не этих он сейчас невольно вспоминает. Там, где комендант голову покаянную принёс, а потом его румяная хозяйка хлеб-соль на блюде подала — за ее плечом такие мелькнули личики, два или три, не разглядел... вроде и напуганы, как все, а глаза сияют.

Метель подвывает, короткий мартовский день утонул за лесными верхушками. Маленький отряд готовит ночевку. Маленький — половина ускакала вперед, догонять хвост уходящего обоза, посмотреть, что там, не надо ли пригрозить, напугать. Распрягают, расседывают, разводят костер, коней пускают в лес добывать себе под снегом корм. Немного овса есть с собой, но это перед выездом, для бодрости. Чумы ставят, накрывают оленьими шкурами. Князя устраивают на ковре, на подушках у костра. Адъютант ускакал вперед с разведчиками; ординарец, разбитной казак лет под тридцать, накидывает шубу на плечи начальника, плошку с похлебкой подает. Чай заваривает в котле.

О чем говорить, как не о чудном действе, задержавшем их чуть не на три дня? Пока правитель сидел в почетной избе, сам почти как медвежий идол — его молодцы столько всего разузнали! Ординарец уже почти говорит по-ихнему; да он, оказывается, из здешних мест. Хоть записывай за ним — и про медвежий обряд, и про Мэнквов-людоедов, и про прекрасного юношу по имени Мир-суснэ-хум, который ездит на коне с пестрыми боками. И с парнями успел потолкаться (парни у них мельче наших, зато охотники!), и к девушкам присмотреться. — Ну так что ж девушки? Лучше наших?...

— Эх, девушки... А помните, Матвей Петрович, в крепости надьсь, капитанская женка вам коровой подносила? А за ней три девчоночки стояли, друг к дружке жались?

Значит, все-таки три их было. Глаз у казака ястребиный...

— Видел, так что?

— Племянницы ее. Тоже ихнего княжьего рода. Все три удаганки.

Гагарину не надо объяснять. Удаганки — это шаманки у якутов. У них шаманом быть мужчине не то чтобы зазорно, а не дело. Не мужское дело. А женщинам, самым знатным, это престижно — сестрам героев, богатырей. Не обязательно всерьез, не обязательно беситься до судорог. Просто светская барышня — умная, талантливая, образованная, поет и танцует.

В жёнах лучше их нет. Такую хозяйку кто посмеет обмануть, кто решится перечить? Всех она помнит, все знает; скот ее любит, дикий зверь почитает. Когда гуси прилетят, когда рыба пойдет — у нее спрашивают. Все обряды знает, всем рукоделиям научит. Родичи приедут, погостят, по всей тайге разнесут: вот у кого богатство, вот у кого обилие, у кого меха самые пышные, ковры самые яркие, кони самые породистые, сытые... Мужнино оружие блестит, лоснится, муж в доме — как хан, сама — как богиня. Про новое разговор, про старое — все знает, все помнит. И такая приветливая!

Повезло, у кого таких три дочери. Выдаст за героев, за сильных людей, и будут зятья держаться один за всех, все за одного. К такому роду кто же подступится! Будут у них владения, пастбища — птица не облетит. Дети пойдут — один другого краше...

T.D.-M.

Едет князь Гагарин к северу, по карте — вверх, и горы все выше. Красота несказанная, небо синее-синее, почти весеннее, елки все в небо, все вверх... воздух, какой на земле и не бывает. С собой он везет несчастненького попики. Когда Петр повелел идолов разыскивать, «наземь валить и огнем жечь», распорядился он также, чтобы место пусто не было, поставить на заповедной поляне церковь и там служить, крестить язычников безжалостно. Язычники с перепугу откочевали куда подальше, новых идолов понаделали, кто их теперь съест? Кому уходить было некуда и не с кем, остались, крестились. Огород развели. Жили себе. Протопоп жалованье получал от губернатора, а может от коменданта какого, от воеводы. А потом взял и уехал, сказал Фалалею: людей тут всего-ничего, один управишься, а я поеду к большим племенам, злым и воинственным, их буду обращать! И жалованье с ним уехало...

Урал — место древнейшего обитания, край Ойкумены, дальше только звероловы и китобой уходили на охоту. Домой, в теплое жилье, сюда возвращались. Как сплошной лед растаял, так они и обосновались. Горы, пусть невысокие — не степь безграничная. Можно обжиться, полюбить свою долинку, а к соседям ходить через перевал в гости. Меняться, жениться... Дрались, конечно. Бывало. А все-таки больше договаривались, уступали. А места какие богатые: летом ягоды не оберешь, птицы прилетят — несметно, к осени разжиреют. А зимой кто моржа добывает, кто оленя. С оленем получилось занятно: северный олень — первое вроде бы животное, прирученное человеком. И до сих пор до конца он не приручен: каким был, таким остался. Уйдет домашний в лес, обратно не запросится. Дикого поймают, запрягут, будет бегать в санках.

А климат... что климат? Как у Шергина: «Вона! Это чем не климант? У дров да у рыбы!»

У дров да у рыбы, у ягоды морошки, благоденствовала человеческая семья, называется она уральской языковой семьей, и расселилась она от Скандинавии до Таймыра, от Венгрии до Алтая. Огромное пространство, невероятный размах! Древнейшая метрополия, гигантская область, финны, саамы, вепсы, карелы, ижора, на юге венгры, волжские финны, марийцы, мордва, удмурты, коми-зыряне, коми-пермяки, угры — ханты и манси, самоеды — ненцы, энцы, селькупы, нганасаны и остатки тех древних самодийцев, которые населяли предгорья Алтая. Вот он, Уральский мир! (у них еще диалектов полно...)

Пальцев не хватит подсчитать. Меньше, наверно, народов от Вавилонской башни разошлось во все стороны. А эти народы, палеоарктические, палеоазиатские, ничего не строили, никуда не ходили, жили себе, как в теремке: ты кто? Я — ня, нганасан... Давай вместе жить! Потом пришли русские.

Да, худо жилось попу Фалалею. Церковь у него, как охотничья летовка, ни красы ни радости, разве казак иногда забежит; что на огороде вырастет, местные тут же оборвут: у них что из земли растет, то общее. Овцы, олени выщиплют. Проезжий шаман подарил ему раз козу, жертвенную — на бедность; не успел порадоваться, голодная паства увела и сожрала. Что им будешь говорить? А говорить по ихнему Фалалей научился. Дар у него такой открылся, за его убожество. Заговорит с каким заезжим путником, охотником, торговцем — и глядишь, все понял и сам все может сказать. Он уж и толмачил, если заезжий из другого рода. И полюбил он разговоры слушать. Местные, они хоть и тащили у него, что можно, а не злые были: звали к домашнему скудному котлу. Сначала слушал, потом его спрашивать стали про ту русскую землю. Ахали, головами качали: это сколько ж там людей? Как столько прокормить?

Очень он полюбил сказки слушать. Особенно если шаман заедет переночевать по пути к богатым заказчикам. Бедные шамана не зовут: сам денег не возьмет, а духам сколько надо! И от тоски начал Фалалей, зубами от холода стуча в своей обители, записывать что услышал. Слова разные. Азбуку для них приспособил, словарь составил. А сказки по-русски записывал. Только где?! На полях псалтыри, где ещё...

Едет князь Гагарин по Уралу к северу, по 60-й долготе — вверх, и горы все выше... Урал священный, древний! Стена между материками — или мост от Юга к Северу, от ледяного океана к жаркой степи? Граница между народами — или общий дом людей? Когда-то совсем-совсем давно материки, огромный, сплошной — Азия и маленький, растрепанный — Европа, сближались, стискивались, кора их сморщилась, выломилась складкой — тут они и остановились. А потом ветры и воды так эту складку полировали, деревья так сверлили корнями, крошили, что в высоту уполовинили, а в ширину расширили...

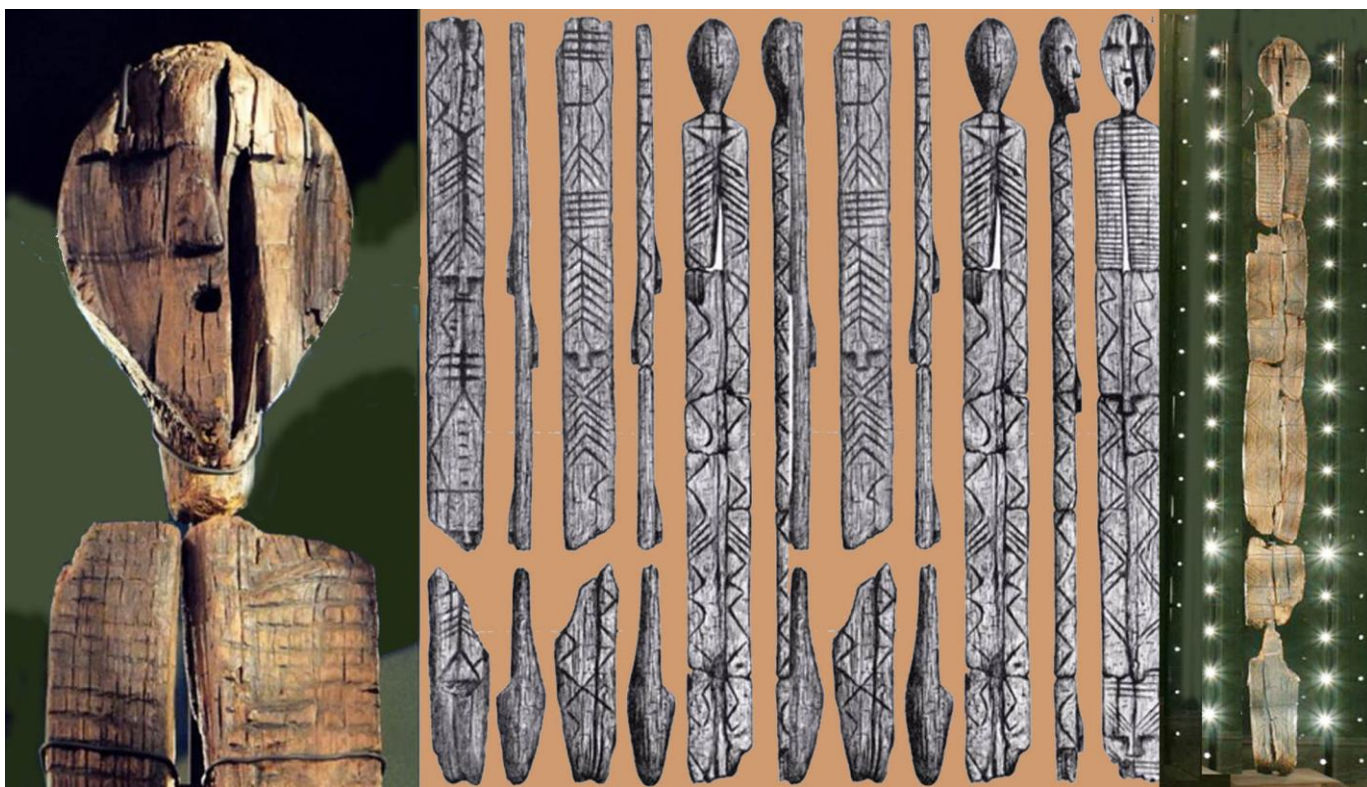
Нет, не так. Жила-была Ели-торум-сянь — мать Земли. Вместе с волшебной птицей, крылатой Калм. Прилетели они на землю с Вечерней Звезды (потому все сказки начинаются вечером). Долго они добирались до земли (потому сказки сказываются долго).

Говорит Ели-торум Крылатой Калм:

— Земля наша не стоит на месте, качается, как плот на воде. Вот появятся на ней люди, будут с ног падать. Поднимись к отцу, Нуми-Торуму. Скажи: отец мой, укрепи нашу Землю! Каким-нибудь поясом привяжи ее!

Выслушал Нуми-Торум просьбу, опершись правой щекой о посох. Подумал и опустил на землю свой пояс, украшенный драгоценными пуговицами, такой тяжелый, что Земля осела глубоко в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег его пояс — середина Земли, уральские горы. Горит в них золото ярким солнцем, серебро тихо светится лунным светом, хрустальные камни сверкают, как лед под весенними лучами... причудливые каменные фигуры, как изображения на поясе охотника...

Потом пришли русские и стали серебро-золото выкапывать и к себе увозить.

А люди здесь жили с такой глубокой древности, что и поверить нельзя — поселения у них были 30 000 лет назад. Как может быть такое, когда мир-то создан был тысяч семь с половиной лет назад?! Вот говорят Идол Шигирский — ему 11 тысяч лет с малым. И ошибки никакой быть не может, потому дерево — оно всегда правду скажет! Можно кольца посчитать, можно щепочку сжечь и посчитать на радий-углерод... Чего не придумают язычники!

Ох, свезло бедняге Фалалею! Как приехали в Нижний Тагил, у дома заводчика развернули сани — князь ушел с хозяином, старым заводчиком Демидовым, в главные покои — разговаривать, а кучер, ординарец и Фалалей — им «пожалуйста на кухню». В рай он попал... тепло, аж жарко, и еще все печи топят, пар от кушаний такой, что и есть не надо, вдохнул и сыт. Демидовы, старый Никита и Акинфей (тоже не молодой) хотя и разбогатели страшно сказать как, а старых обычаев не стесняются. Кухня у них одна, и людская и господская, на разных концах только готовят. Путникам с морозу поднесли по стопочке... а дальше Фалалей и не помнит: как обедал, как в бане парился, что пел, на каком языке... Да какой с него спрос!

Гагарин с Демидовыми договорился. Они верные царевы слуги, про бунтаря-губернатора может и слышали, да за недосугом забыли. Война оружия требует! Оружия просит рука! Вот о чем все их думы. Ну, а если как-нб этак с востока придет заказ... небольшой... почему ж не сделать. За хорошие деньги. Скажем, для китайского императора. А что князь приезжал... донести точно донесут, а точно ли князь? Вот то-то.

А как тульский мужик Никита Антуфьев по своей и божьей воле стал российский дворянин — это объективный исторический процесс. Петр затеял то, на чем Ивану Грозному руки обломали — Северную войну со Швецией. И оказалось, что сто тыщ русских мужиков положить — не решение проблемы. Нужна индустриализация всей страны. Нужен «хлеб войны» — металл. А его-то в плоской, как лепешка, стране было кот наплакал, и руды были плохие, скудные. Урал — совсем другое дело. И леса необходимого *на Камне* (так называли уральскую горную цепь первопроходцы) хватало. В Туле к началу XVIII века леса вырубili — для нее, для металлургии..

Металлургия в Уральских горах была уже в первобытные времена, пермская бронза, пермское железо, хромой кузнец-филин Йипыг-Ойка... я даже про это писала.

Ну что ж, деньги есть, ума не надо, найдем немцев (ведь немцы тороваты, им ведом мрак и свет), голландцев Винуса и Марселеса, построят нам завод в Туле, и будет чугуна и стали на душу населения вполне. И не вышло! Воруют! Да еще как воруют... как говорится, эффективность госуправления в высокотехнологичных отраслях стремится к нулю... А в Туле были уже и частные кузни. Попробовали разместить госзаказ: изготовить 300 ружей по западноевропейскому образцу. Русское стрелковое вооружение устарело...

А все-таки среди всех туляков только Никита Атунфеев рискнул на сделку с царем-самодуром. И не проиграл! Не только получил кучу денег из казны, но и стал близок к монарху, что в России во все времена было дороже денег... Его сын Акинфий Никитич Демидов сумел на Урале и Алтае построить 25 заводов, главный — Нижнетагильский, по последнему слову техники!

У таких хозяев все в дело идет. Нищего Фалалея пристроили помогать настоятелю храма, а храм Демидовы отгрохали тоже на диво... Думали, нищий монашек сопьется на радостях — ан нет. Служил со всей дорогой душой, а все свободное время что-то писал... бумаги выпрашивал, перышком скрипел у свечи. И настоятелю, когда тот спросил, признался: записывает он разных вогульских народов слова и сказки...

Настоятель был из хохлов, образованный — у иезуитов учился в Славяно-греко-латинской академии. Одобрил. Латиняне, сказал, в Америке у дикарей признавали и записывали, как они дьяволу поклоняются, чтобы потом их уличать и обличать в невежестве. Не зная языка, кого просветишь? Он будет тебя в глаза хулить, а ты подумаешь: кается...

И сохранилась при заводе в канцелярии Фалалеева книжица. Конторщики иногда списывали сказки, домой ребятам почитать носили. А уж потом, как попал на завод красный комиссар Павел Бажов, он этим историям дал ход в мировую литературу, а то!

Перед сном придумывала продолжение «вот такого кина», про Бажова думала, про Шергина — как один процветал, а другой погибался — и вспомнила, что надо вот еще про что: про каторгу. Про то, как Российская империя Сибири нашла применение, такое, что слово «Сибирь» стало синонимом каторги (а каторга это судно типа галеры). «Я Сибири, Сибири не страшуся, Сибирь ведь тоже Русская земля!» Так что, Русская — значит проклятая? Что думал Ломоносов? Что могущество России будет прирастать огромной территорией, превращенной в средство «Возможно проще и чище Различного сорта ненужных людей Переправлять на кладбище»? *Гейне — это он про гильотину.* А еще Таня читает про Короленко в Сибири, мы об этом тоже вечером поговорили.

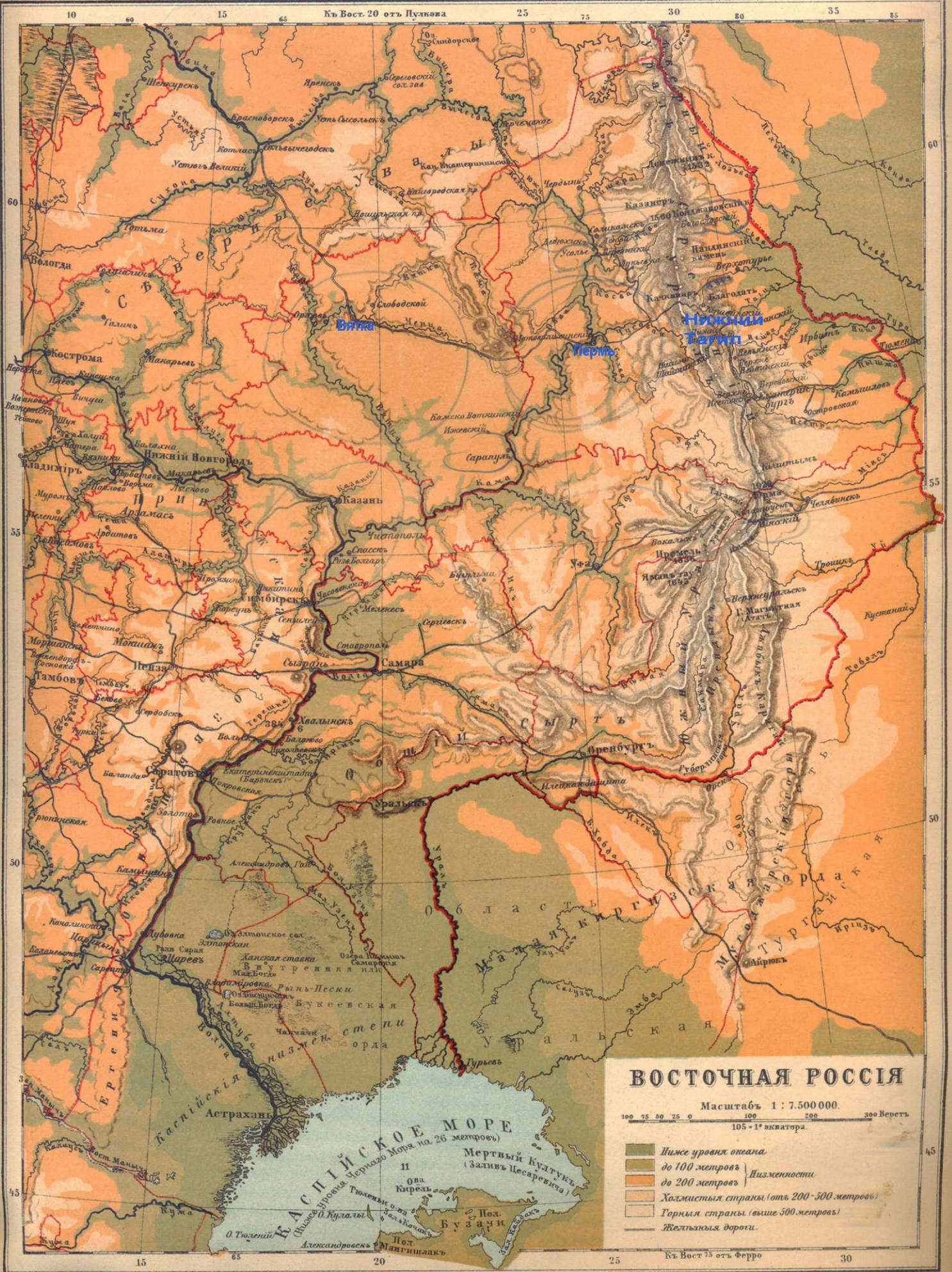
И вот просыпаюсь еще до будильника, убежденная что в этом месте, где Гагарин у Демидова, у меня должна быть пьеса. Пьеса, которую ставят ссыльные или даже каторжники. Два брата — один офицер охраны, другой заключенный преступник (ну может все-таки ссыльный) любят одну девушку. Кажется, зырянку или хантыйку. Что-то она тут делает, может горничная. И вот происходит состязание, в том числе борьба великодуший (а девушка любит каторжника), высшая власть вмешивается со своим помилованием, и торжествующий хор исполняет кантату на диалекте местного племени, в которой каждая строфа в размере хайку..

Сочинить это в принципе можно, только скучно, а читать еще скучнее.

<i>Выходят мужи сановного вида, звучат трубы.</i>	Пленники шведски многи ожидайте
<i>Входят молодые воины.</i>	От берегов финско-балтийских
Кто идет с войском, лаврами венчанный?	Для рудников наших тагильских!
С знаменем побед гость чрезвычайный?	
Светлым оружием дивно украшен,	<i>Знатные мужи кланяются воинам</i>
Однако не страшен?	Славься, воинско храбро российско!
	Приветствует вас вся земля Азийска.
<i>Выступает молодой воин</i>	Оружие славно сложите,
Петр Великий, росский император,	Отдохните.
Автократор!	Ликуют днесь Сибирские страны,
Усмирил государь наш снова	Встречают вас девы с тимпаны.
Свейскаго льва злова!	
Но и Марс безоружен не выйдет к бою —	<i>Выбегает толпа девушек в национальных</i>
Кем же меч откован, когда не тобою,	<i>костюмах, с бубнами. Кружатся.</i>
Художник изрядный, Демидов Никита!	<i>Молодой воин:</i>
Видя недруга зла побита,	О, сколь прекрасны дщери натуры!
Победителя воспевайте,	И шкурам не сокрыть дивной их фигуры...

Девы поют кантату:

Кузовочек мой,	Если петь начну,
Кузов мой берестяной,	Песню я свою начну
Сказками полный!	Когда тает снег —
Я несу тебя,	Так и буду петь
К людям я тебя несу,	До последней ледышки,
Песнями полный!	Последней лужи!

Гагарин — он правда никак не похож на петровского вельможу, губернатора, даже мятежного... борода у него, одежда по сезону, по морозу, похож больше на богатого купца, неопытный глаз примет даже за старовера. Так вот он Демидовым заказ привез, это само собой, а еще он хочет купить особую вещь, уникальную, как мы говорим. Нужно ему что-нибудь этакое... для подарка китайскому императору. Тут тоже дело тонкое. Император Канси при смерти либо уже умер. Одарить надо нового императора, а еще лучше — наследника, лучше оценит. Явный кандидат — принц Юн, четвертый сын, давно уже правая рука императора. Лет ему 45, отец доверял ему деликатные поручения и советовался в политических вопросах. Прирожденный государственный деятель. Хотя, говорят, подозрителен и ревнив. Будет крут там, где старик мирволил кому-то — даосам, христианам, сектантам, диссидентам, ханьским патриотам...

Но вот носятся слухи, что император благоволит младшему сыну, как его... и уже завещание переделал. Понятное дело, интриги евнухов и гарема, но при старом императоре все бывает.

Аникей Никитич Демидов ведет загадочного гостя в кунсткамеру, смотреть механические чудеса. Часы, гироскопы там всякие... пушечки, что на ладонь можно поставить, а они стреляют. Часы, в которых земной глобус вращается, а вокруг луна бежит. Такие, говорит хозяин, уже их императору отправляли, от Нашего. А вот часы... чугунная беседка, кружевная, литая, и в ней что-то и кружится, и качается, опускается-поднимается на тонких цепях. То музыка играет, то огни сами зажигаются...

— Царев заказ?

— Нет, сами с мастерами нашими, умельцами, сочиняем, ремесло испытываем. Никто еще не видел.

— Такому и цены нет... если решите продавать, мне первому скажите. Императорский дар, если на коронацию. Пока попроще что-нибудь...

Взгляд Матвея Петровича привлекает мушкет удивительной работы, весь украшенный резной моржовой костью.

— Нашему государю на тезоименитство, граф Меншиков заказал. Скоро отправим.

— Копию успеете сделать. Этот я возьму. То, что надо — наследнику-воину.

Очень грустно читать про маньчжурскую династию... Мы как себе представляли... изысканный Китай погряз в роскоши, интригах и разврате, потерял мужество, а тут дикие голодные степняки с воем и свистом хлынули за стену и затопили до моря и Гималаев. Они, оказывается, были не такие уж дикие, была у них вполне регулярная армия, которую то ли власть, то ли оппозиция приглашала на свои разборки. Один патриот на другого. Как наши князья половцев — только масштаб другой.

Оппозиций было несколько, одна — крестьянское восстание во главе с талантливым старостой, который традиционно должен был создать династию, но все пошло не так из-за маньчжурского фактора. Маньчжуры решили: чем мы хуже монголов?

Радостью нашего детства были «Уральские сказы», «Малахитовая шкатулка». Как только в 45 вышла эта книга, сразу взрослые нам ее принесли, подарили, прочли, перечитали, потом мы и сами читали-перечитывали, детям читали. И как-то постепенно не то чтобы разочаровались... Фальшь какую-то ощутили.

В 57-59 годах появилась книга Шергина «Океан — море Русское», и все поняли, *что такое* народное творчество в талантливом изложении. Он и был — народ, сказитель, художник, иконописец, историк, народный историк. Народ тоже был особый, поморы. Самостоятельный. Крепостного права (бесправия) там никогда не было, даже обездоленные зыряне жили своим родовым строем. Отец Шергина был мореход, *кормщик*, мать сказительница. И все вокруг жило морем и древним художеством: росписи, резная кость, узорные заставки. Искренняя вера, с великим уважением к старообрядчеству. И для нас, московских студентов, зазвучала эта речь: радостная, ироничная, величавая... А сам сказитель в войну чуть не побирался — тем только жил, что приглашали иногда на детские утренники сказать-спеть былинку. Главное, все это, что называется не нашим словом «фольклор» — было всамделишное. А нашей идеологии ничего настоящего не надо было. У нас сначала идеология, под нее уже подгоняются мысли и чаяния народные, а еще надо найти правильный народ. Крестьяне, слово-то какое — искаженное «христиане», они же «варвары, дикое скопище пьяниц», им верить нельзя. Пролетарии — носители «инстинктивного классового разума». Но заводские парни охальники, матершинники. Надо, чтобы им придумал сказки правильный писатель. И он нашелся.

В 18 году бывший эсер Бажов вступил в РКП(б). В Гражданскую войну в Усть-Каменогорске организовывал подполье на в случай падения советской власти в уезде. Она и пала силой подпольной организации «Щит и престол» при поддержке казаков. Он затаился, лишь в январе 19 г. возобновил свою деятельность, работая по заданию красной Москвы.

Только установилась советская власть, в город вступила повстанческая крестьянская армия Козыря и отряды «Красных горных орлов». Павел Бажов, выйдя из подполья, стал организовывать новый Совдеп. Тогда в одном доме заседал Совдеп, в другом — штаб армии Козыря. Бажов сигнализировал в Семипалатинск. В январе 1920 года в Усть-Каменогорск вошли регулярные силы Красной Армии. Козыревская армия рассеялась без боя, сам он бежал. Именно Бажов организовал подавление подготовки восстания во главе с Козырем. В новое время занимался продразверсткой, народным образованием, журналистикой. На него писали доносы, а он писал книги по истории Урала, собирал фольклор. Бажову заказали книгу о строительстве Краснокамского бумажного комбината, но пока он писал, главных его героев репрессировали... и его не миновало: увольняли, исключали из партии... а он писал «Сказы»! Про то, как «три пузатых немца» угнетали талантливых русских самородков...

Так я и знала: Сибирь и Север — это одно слово. Произошло оно от названия тюркоязычной этнической группы, сейчас известной как сибирские татары, самоназвание которых (сыбыр) фактически означает «местные» (ы/ир — мужчины, народ, люди; сибэ/у — россыпь, бросить на землю; досл.: «рассеянные тут люди»). Одна из версий. Еще где-то читала, что по-китайски это звучит «сяньби», и от них же произошла «Шамбала». «Гдетотам», где лучше, где нас нет, греческая Гиперборея: там день полгода, цветы и плоды не переводятся, люди не стареют, словом, полное счастье всем и все даром. Обитают там блаженные мудрецы. Начиная с XIII века Сибирью начинают называть не только народность, но и местность, где она проживала. В таком значении она впервые упоминается у иранских авторов XIII века, обозначение «Sebug» в первый раз встречается на карте в Каталонском атласе в 1375. В русских летописях XV века Сибирской землёй назывался район в низовьях р. Тобол и по среднему Иртышу.

Если подумать, Сибирь играла роковую роль в нашей истории. Неисчетные богатства, практически даровые, решали почти все проблемы. России, как всем, нужны были деньги, много, для армии и флота (наших единственных друзей). Ценная пушнина давала твердую валюту. Безразмерная территория позволяла спихивать подальше — с глаз долой, из сердца вон — неудобные группы населения. Пугачевцев, которых не повесили, декабристов, разбойников, польских повстанцев, студентов, которые что-то задумались... Огромное слово, вместившее священные горы, священные озера, огромные реки, леса... Родина древнейших народов, носителей своеобразных культур, языков, верований, создателей грандиозных поэм... возможно, прародина человечества...

А вспоминаются вымерзающие бараки, надругательство над людьми, произвол, безымянные погосты...

А что? Наши сакральные слова — Москва, Кремль — они с чем ассоциируются в современном сознании? Ну, Кремль — Мордор, замок Кощея, где готовятся убийственные для мира замыслы. Москва синоним Кремля, а для соотечественников жирная купчиха: все сгребла под себя, хоть умри — не поделится. Пыжится, хорохорится, а на Вавилон не тянет, даже провинциальный...

«Войска форта Индж, охранявшие пограничную полосу вплоть до реки Нуэсес, вернувшись в лагерь, с удивлением узнали, что могли бы встретиться с индейцами, никуда не уезжая. Молодые офицеры, жаждущие подвигов, которые не находили себе места от досады, услышав, что за Леоной видели краснокожих, воспрянули духом... Но их постигло еще одно разочарование... О новом походе против индейцев нечего было и мечтать. Искателям геройских подвигов пришлось смирить свои порывы и удовлетвориться мирной жизнью...»

Занятно, что в издании 1905 года за этим пассажем следует текст (в новых его нет):

«Конечно, это желание можно было бы назвать безчеловечным, но надо вспомнить, что эти степные разбойники раздражили все население своими тысячу раз повторявшимися набегами, похищением женщин, грабежом и убийствами.

Признавать за этими первоначальными обитателями страны право пользования обширными землями, говорить, что они незаконно лишены своих владений, — весьма неразумно. Этот софизм слишком долго господствовал над людскими умами (*неужели?*). Все человечество имеет неотъемлемое право владеть всей землей, и даже самый ярый защитник прав первобытных народов (*и такие были!*) не признает законным притязания горстки людей, кочующих на огромном пространстве, которые хотят владеть им неограниченно и безраздельно.

С ятями, точками над i, твердыми знаками этот текст выглядел бы гораздо убедительней, как живая речь квакера, помешанного на правах туземцев, почти двухсотлетней давности...

Если мы, согласно с этой странной теорией национального права, оставим каждому охотнику полдюжины квадратных миль (потому что он не может прокормиться на меньшем пространстве) в его вечное владение, то миллионы акров плодороднейшей земли должны остаться невозделанными».

Значит, вопрос обсуждался хотя бы теоретически, и даже «слишком долго»?

Миллионы акров к середине XX века были возделаны, засеяны, вспаханы, и в результате американцы получили Черные Бури. «Плодородия» хватило на несколько лет

Этот подвиг повторил советский союз в начале 60-х. Сама участвовала: «На целину-у! — сказала партия, и комсомол ответил: Есть!» «Сойдешь поневоле с ума

От этой затеи Никиты»...

Результат был тот же. Про Целину и «казахстанский миллиард» перестали говорить.

Бедных нганасанов и юкагиров спасло то, что их земля ни с какой стороны не казалась плодородной, и «Девять месяцев зима» многих отпугивала. И «горстка людей» могла кочевать «на обширных землях», где медленно восстанавливался общипанный оленями ягель, и точно было известно, сколько оленей может прокормиться на «полдюжине квадратных миль» (*явно не так много*), и сколько людей могут прокормиться на этих оленях... Пока под тонким покровом ягеля в мерзлоте не найдут нефть, алмазы или уран (никель и еще полтаблицы).

Все-таки закончу цитату: «...я утверждаю, что не только так называемые дикие, но и оседлые народы должны, бесспорно, лишиться права владения землей, если они не умеют пользоваться теми богатствами, которые природа повсюду рассыпала щедрой рукой.

Вопрос о том, как лучше пользоваться этими богатствами, не может быть решен отдельным народом: в нем заинтересовано все человечество».

Справедливо замечено: «Как китайцев перед опиумными войнами обвиняли в том, что они не желают открывать рынки и, таким образом, в закоснелом своём язычестве вредят свободной торговле и прогрессу всего человечества».

«Конечно, в то время, о котором мы говорим, в Техасе встречалось не мало людей, ценивших жизнь краснокожих не выше, чем лесничий ценит жизнь хорька или другого вредного зверка, забежавшего в охраняемые им владения; вероятно, такие разбойники не перевелись там и до сих пор; десять лет — слишком короткий срок, чтобы могла произойти большая перемена в нравах пограничных жителей...»

В оправдание неполиткорректных пограничников автор вспоминает «смуту на Ямайке», да многое можно вспомнить — Гаити и Папу Дока. Или что произошло в Индии, когда кроткий Ганди освободил ее от власти англичан. Но мне нравится поучительный тон автора. Развлекая, просвещая. И просто были у человека убеждения.

Какой-то особый тон, уютный, что ли, может уважительный у старых дореволюционных переводов. Возможно, таков был стиль общения безмянных интеллигентов-переводчиков, часто переводчиц, образованных бедных девушек и дам. Таких, как Бекетовы, мама, тётки и бабушка Блока, работавших в частности над Жюль Верном.

Нынешний перевод «Всадника...» наверняка сделан с адаптированного современного издания. Могу спорить, что в нем отсутствуют такие обороты:

— Что же ты, черная тварь, не узнаешь меня? Я так, как увидел твою безобразную рожу, сейчас же признал тебя.

— А! Не масса ли Тумп, что на старой плантации, бывало, носил нам дичь да индеек?... «Зеб Стумп» вначале диалога обращается к Плутону «проклятый негр», в конце «старый приятель». Они в отличных отношениях и встретятся в эпилоге, когда на месте девственных лесов и прерий вырастут города и раскинутся плантации. Верный негр Плутон женился на горничной героини, дослужился до звания главного кучера и страшно гордится собой и своими хозяевами. У Луизы и Мориса куча прелестных детишек».

Будем надеяться, что грядущая гражданская война не затронет идиллию.

Похоже, сверхпопулярность романа вызвана не столько оригинальным названием, сколько подробным и очень профессиональным изображением работы следопыта. Вот, значит, как это делается... В Штатах назревает скаутское движение. А европейские школьники бредят индейцами и зверобоями.

Взял с собой Гагарин шамана Потёпку для развлечения. Занятный, поет неизвестно что, зато знает чуть не все вогульские языки. Местные дикие больше будут доверять, не сразу разбегутся и попрячутся. Он уже и по-русски понимает. За настоящего толмача у князя демидовский подрядчик. А едет Матвей Петрович дальше на север. Хочет обойти все свои владенья, побывать на Таймыре, на краю Земли — посмотреть, что там за краем? Едет князь на север, теперь там тоже немножко дня бывает. Поднимется солнце чуть-чуть, посмотришь с Уральских увалов — внизу темное лесное море бесконечное, бездвижное, беззвучное... какие люди, там и зверей-то нет, наверно.

Есть люди, есть. Нашлось большое стойбище, чумы, дома-землянки, избы, загоны с оленями, нарты. В большой избе сидят гости, сидят хозяева, отцы семейств, охотники, греет очаг, дымится чага, злых духов отгоняет. Говорят степенно, по очереди, но невесело... толмач говорит: жалуются. Зверь ушел, охота плохая была. Дети болели. Слушает князь. Слушает Потёпка. Глаза зажмурил... начинает раскачиваться... и вдруг голосит, всхлипывая, нараспев:

Нашу жаркую молитву пусть твое услышит ухо,
Золотую чашу дедов, чашу, из которой ели
Семь охотников великих, их семи родов потомки,
Чайка хитрая украла. Что нам, бедным манси, делать?
Немощные их потомки, где теперь ее найдем мы,
Золотую чашу счастья?
Семь ночей ненастных черных, семь седых веков мы ищем
Эту чашу, и не можем отыскать, напрасно бьемся!
Может, в землю провалилась? Может, спряталась на небе?
В дождевых колючих тучах, что растит в небесной тундре
Повелитель Нуми-Торум, на седьмом живущий небе?
Сыновья твои лесные на тебя с земли взирают,
Плачутся соленным плачем, молят сладкою молитвой:
Чайку, вора, излови!

И все раскачиваются, глаза зажмурили, слезы из-под век... Нет, это не шаманское действо. Это, понимаете, сила искусства. Все говорили, а он спел. И даже толмач утирает лицо, объясняет Матвею Петровичу, в чем суть.

У Гагарина никаких ассоциаций не возникает, а у нас неизбежно: это что за чаша такая? Вот у кельтов была такая, котел Дагды, Дажь-бога по-нашему. Вот жизнь была: раз-два-три — горшочек, вари! Но нету чудес, и мечтать у них нечего. Мог бы Потёпка рассказать, как младший сын Нуми-Торума, светлый Мир-суснэ-хум, на чубаром коне скачущий, настиг Чайку (что это еще за персонаж?), сбил с ног, из-за пазухи выхватил чашу и бросил в руки людей:

— Вот ваша чаша!

И удалился в огненном танце...

Только люди эту сказку слышали, еще когда были детьми, и теперь сами детям рассказывают. Что еще может сделать искусство?

Камлать Потёпка не будет. Не его место, не его духи. У этих людей свой шаман есть.

Потёпка расскажет-споеет сказку, какой эти люди не слышали.

Мир-суснэ-хум, как и медведь, родился на небе, в доме Нуми-Торума. И тоже увидел сверху яркую цветную Землю и запросился туда. Отец его отпустил с мудрыми наставлениями, ну и конечно он что-то позабыл и где-то набедокурил, и что-то пошло не так. А ведь его послали присматривать за миром людей...

Это все знают. Про него много сказок, их все знают.

Мир-сусне-хум на своем коне с пестрыми боками примчался к морю. А в воде новая жизнь, новая сказка. Рыбы плавают. И ему захотелось поплавать. Достал из кармана шкурку щуки, нырнул. Превратился в большую щуку... маленькая увидела, рот разинула от страха, он к ней ласково: чего испугалась, поплыли вместе.

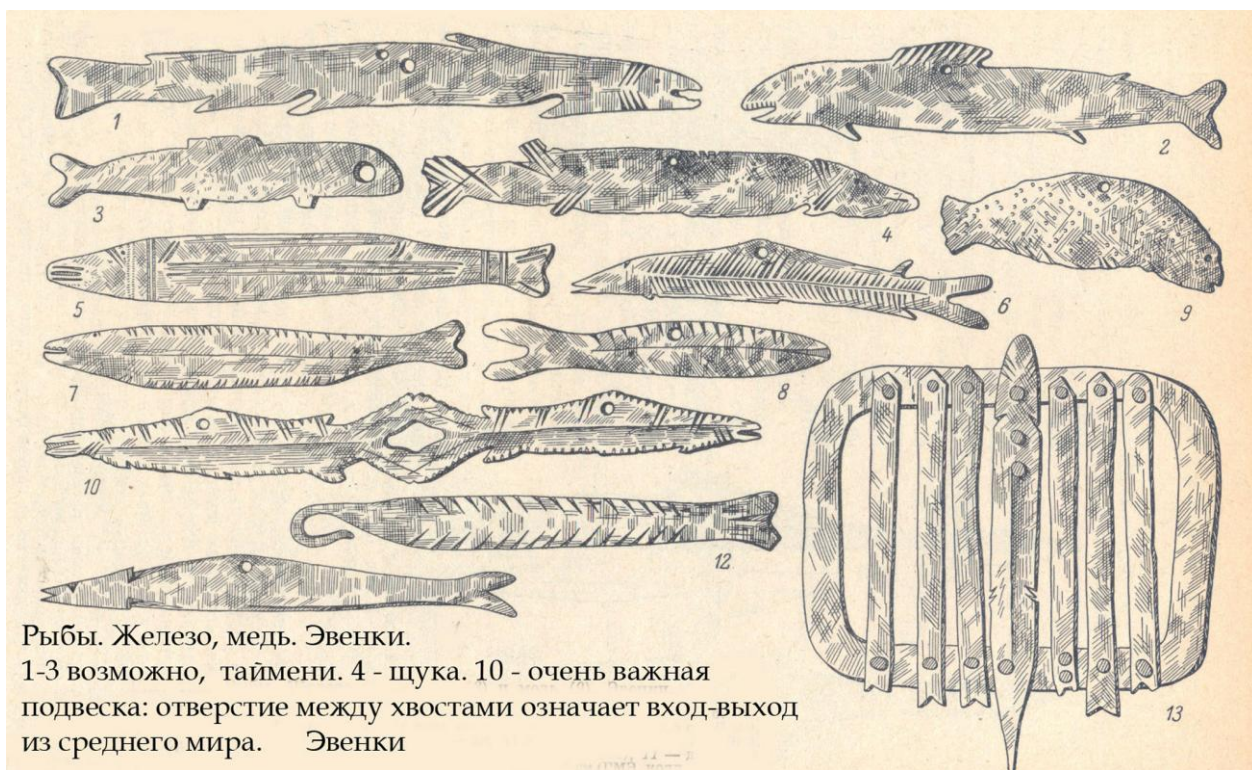
Рыба удивилась. Поплыли рядом, подружились. Другие рыбы удивляются, подплывают, дальше плывут вместе. Удивился даже сам граненый хрустальный осетр мирной щуке. И серебряная сияющая нельма тоже плывет. И язи, сырки, муксуны...

Долго ли плыли, коротко ли, приплыли к берегу. На берегу люди стоят, у людей сети.

Мир-суснэ-хум щучью шкурку скинул, вышел на берег.

— Прошу! — говорит. — Кушайте на здоровье!

— Пумасипа! — говорят люди. — Спасибо за рыбку, наш богатырь!

Люди развеселились, рассмеялись. За это время сварилось мясо в котле, сели ужинать. Матвей Петрович, как приехал, хозяевам подарил оленя. Те не знают, что и думать: большой начальник будто родственник в гости приехал. Стараются узнать стороной от Потёпки — он только хвалит Правителя... Правитель думает, может им еще одного, раз они оголодали. Толмач смеется: вы, сударь, голодных-то еще не видели. Они нарочно плачутся, ясак платить не хотят.

Дальше поехали. Гагарин говорит Потёпке:

— Ты им рыбу обещал, а как весной рыбы не будет, что про тебя скажут?

Шаман смотрит на него удивленно:

— Рыба-то будет.

Едет князь по замерзшей реке, меж крутых лесистых берегов, меж низких пустынных берегов. Целый день едет, от одинаковых картин клонит в сон, оглянется — и сам не знает, спал и проснулся, или не спал, или спит...

«Когда Бог создавал Землю, — думается ему, — зачем он создал ее так много? Зачем эти бесконечные одинаковые просторы? А дальше и еще столько же, и еще, и океан... когда читаешь в катехизисе, так просто: вот Египет, вот Вавилон, вот земля Ханаанская, море Генисаретское. Все под рукой. Потом у Плутарха: Греция, Афины, Рим, море... солнце, камень, мраморные дома. Все нужное, понятно, кто за что воюет. А это?.. Люди здесь живут — их за деревьями и лесом не видно, сами они себя в темноте не видят. Живет, говорят, тут целый народ Ня... а собери его вместе — в Москве в базарный день на площади больше. Где тут цари, где герои?..»

Засыпает князь, просыпается, не помнит, что спал, не помнит, о чем думал. Думает снова. «Когда был потоп — сколько же надо было воды? И куда она потом делась? Ну да... наверно, земля была тогда вогнутая, как блюдо, ее и залило до краев. А потом она прогнулась вверх, горбом, вода и стекла в океаны, вокруг нас ведь океаны... ах да, земля вся выпуклая как мяч, и на той стороне столько же земли... страх подумать! — зачем? — а еще все воюют, землю друг у друга отымают, всем мало...»

Вечером, ночью не спалось, а шаман Потёпка что-то вовсе невразумительное пел-рассказывал. Скачет Мир-суснэ-хум, до неба поднялся, там рыжими лисенятами бродят стада звезд, легкой лодочкой плавают серп луны. Вдруг видит: какой-то старец запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему. Борода у него белая-белая. Здоровается. А в нарте — Солнце! Сияет солнце в нарте, а собака его возит. Старик позвал его в дом, велел своим накормить гостя, а сам уехал. Ночью приехал домой.

Наутро Мир-суснэ-хум просит:

— Дай мне, отец, повозить солнце!

— Съезди, только не обижай народ.

Запряг собаку, посадил в нарту Солнце, и поехал. Ехал, ехал, посмотрел вниз, а там люди ругаются, дерутся, отнимают друг у друга лесные и речные угодья. Разозлился, думает: спустился бы вниз, всех бы побил! А все эти люди упали и умерли... Хорошо быть хозяином Солнца! Что пожелаешь, то и сделаешь.

Утром старец запряг опять собаку, посадил Солнце, сам поехал. Увидел, конечно, мертвых людей. Огорчился. Как вернулся домой, говорит:

— Что ты сделал, сынок, с людьми одного края земли?

— Они дрались, ругались, угодья друг у друга отнимали. Я и подумал: спущусь и всех побью.

— Если бы я так думал, давно бы людей на свете не было. Езжай сейчас же, всех оживи!

Поехал Мир-суснэ-хум с нартами, Солнцем и собакой на то место, посмотрел вниз и сказал:

— Ваша воля. Как придет вам на ум, так и живите.

И люди сразу ожили.

Приложение 1.

Нет, не забыли уральцы НАШЕГО САРМАТСКОГО бога-филина... Филин, конечно, древний мистический птиц, но что тогда сказать о Медведе?!

«Мир средневекового человека Зауралья воплощен в его поясе, а пояс замыкает неразрывная связь Филина с Медведем. Медведь в основании пряжки словно держит Филина, а птица на приемнике пряжки держит язык ремня. Так возник удивительный символ дружбы царя птиц и хозяина леса: сарматское крылатое божество заключило вечный союз с мощным лесным божеством Урала».

КРУГОВОРОТ ЖИЗНИ

«Хозяин моря». Некое чудовище - «ящер», как его называют с легкой руки Теплоухова С.А. великого сибиревода, хотя у него явно волосатый хвост скорее всего это выдра, праматерь. Над хвостом у нее помещаются какие-то эмбриональные существа. Видимо, в чреве морского хозяина (над ним бушуют стихии) они превращаются в семь рыб и движутся в сторону пасти, где превращаются в зародышей кого-то еще, и устремляются вверх, в глотки других существ, похожих на уток, и эти уточки громко кричат, потому что они живые. Зародыши становятся похожи на крошечных условных лосей... вихревое движение подхватывает их и превращает в настоящих лосей.

Волновое, вихревое движение, круговорот перевоплощений уток и лосей.

Смена парадигмы.
Всадник на боевом коне -
в попоне или в панцире.
Сармат, наверно.

Богиня на медвежатах.
По бокам аисты. Они приносят
Детские души - (вверху, много)

Семья -
отец, мать
между ними
дита. Стоят
на «ящере».

Медведь — символ Среднего Мира, но связан и с нижним; он стоит на Ящере, который олицетворяет совсем уже хтонические силы — но кто этот ящер, откуда он взялся, каких ящеров видели ханты и манси, кроме местных ящерок в ладонь размером? М.б. это были китайские драконы, завезенные торговцами в виде вышивок и статуэток — или что-то глубоко древнейшее. Рыба, на которой держится Земля; кто сказал, что лап у нее нет?

«Бляхи с изображением медведя служили мощными оберегами, защищали владельца. Существовала священная клятва: на лапе медведя. На медвежьей клятве была построена юриспруденция древней культуры. Считалось, что медведь покарает нарушителя клятвы и найдет виновных. Медвежьи головы на бляхах показывали трехчастное строение мира как по вертикали: от Верхнего мира через Средний к Нижнему; так и по горизонтали: от верховьев до низовьев рек».

Сибирские древности должно было собирать и отправлять в Кунсткамеру. Целее будут.

Медведь на ящере

Какой-то другой зверь на ящере.

Слева вверху сасанидское блюдо с изображением охоты на медведей. Рядом - бляшка с похожим сюжетом. На другой филин с двумя медвежатами.

Вверху Богиня с аистами, приносящими души, стоит на двух медвежатах.

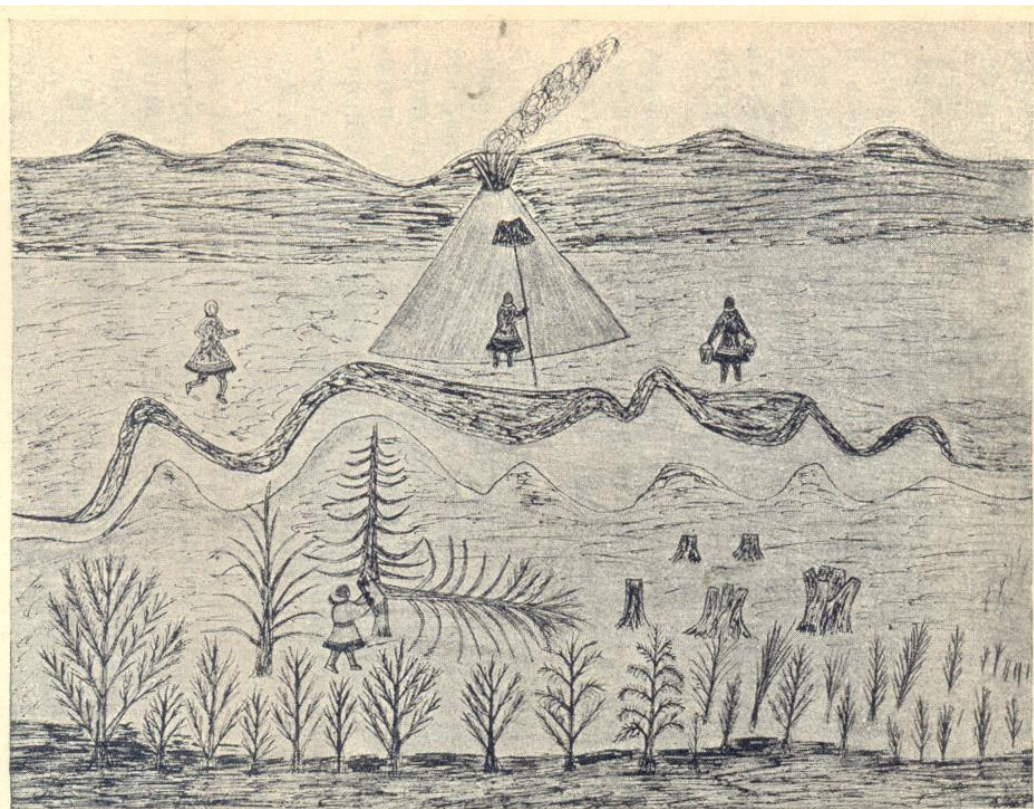
*Не стерпел медведь,
Заревел медведь,
И на злого врага
Налетел Медведь
Уж он мял его и ломал его:
Подавай сюда наше солнышко!*

Приложение 2. Еще немножко про искусство народностей Севера. Это Шнейдер Евгений Робертович.

И еще рисунки студентов Севфака.

Думала узнать что-нибудь про этого мальчика, но ничего не пишут. Яднэ, должно быть, родовое имя, школой в Находке руководит дама с такой фамилией. В Салехарде была выставка мастера косторезного искусства Виктора Ядне «Северные легенды мамонта» — фигурки чудесные!

Яднэ, Матвей. Самоед.

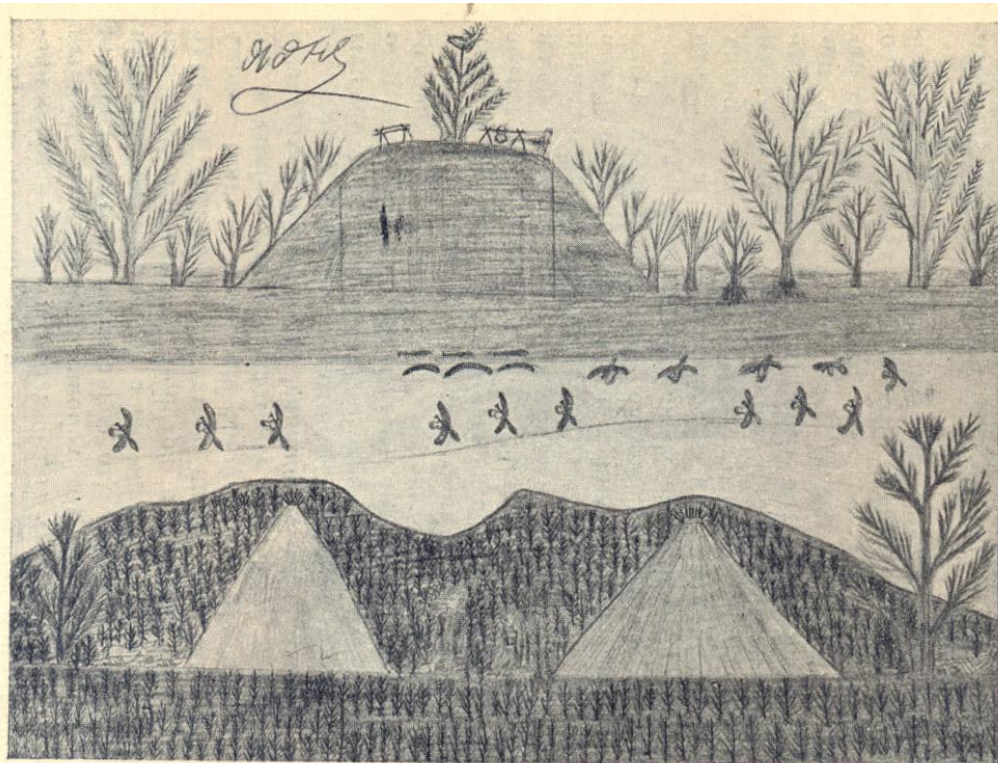
Тушь, карандаш.

«Большинство наших читателей не знает, вероятно, даже названий этих народов. Вот некоторые из них:

Коряки, Ительмены, Юкагиры, Кето, Гиляки, Гольды, Негидальцы, Ульча и т.д.»

Большинство этих народов сейчас называется иначе.

«Севфак должен подготовить педагогов, инструкторов промыслов, работников Соваппарата, словом... советскую туземную интеллигенцию.

Ядрн, Матвей. Самоед.

Карандаш

Ледкова, Ульяна. Самоедка.

Акварель.

Севфаковцы должны быть проводниками всех мероприятий коммунистической партии и советской власти среди туземного населения, носителями культуры и первыми строителями хозяйства туземцев. Представители 24 народностей живут и учатся под одной крышей, и между ними почти не возникает недоразумений на национальной почве. Своеобразие задач, стоящих перед Севфаком, необходимость из людей, зачастую живших до сих пор в условиях родового быта, выковать проводников мероприятий советской власти на

Севере, привели к созданию особого учебного плана, сосредоточивающего в себе, по возможности, все необходимое для нормального развития слушателей. В число дисциплин было введено и рисование».

МЕСС Леонид Абрамович, 1907 — 1993, Скульптор. Преподавал в Институте народов Севера в Ленинграде (1928–1931), Институте пролетарского изобразительного искусства (1931–1932). Руководил экспериментальной скульптурной мастерской в Институте народов Севера (1934–1941).